

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Люблю. Целую.
Ненавижу. Кэмерон

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Annotation

Можно ли жить без эмоций? Стоит ли любить без надежды? Возможно ли рассказать правду, если она опасна?

Множество вопросов для Джейн и Кэмерона, а будут ли ответы? И будут ли влюбленные вместе? Это решат судьба и время...

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая Люблю. Целую. Ненавижу. Кэмерон

Мечты тоже разбиваются на счастье.

NN

Пролог

Двадцать восемь лет назад

Грохот китайских шутих, фейерверков и петард буйствовал за окном. Окружающие дом деревья и кусты купались в лучах прожекторов и мягком сиянии новогодних электрических гирлянд.

Бомм! Бомм! — пробили старинные часы, и за столом раздался звон бокалов с шампанским. В доме царила радость: ожидали появления наследника хозяина дома!

Гости вкушали дорогие вина из хрустальных бокалов, деликатесы на серебряных блюдах и вполголоса переговаривались между собой, ощущая атмосферу праздника.

Первый крик новорожденного раздался в богатом особняке с колоннами на фасаде как раз в то мгновение, когда старый год сменяет новый и наступает минута безвременья. За окном мягко падал снег, засыпая землю белым пуховым одеялом, вдалеке раздавался разухабистый свист и гремела музыка.

— Что вы скажете, любезнейший? — поинтересовался гордый отец у известного астролога, стоя в щупальцах яркого заоконного света и прижимая к груди долгожданного сына. — Что сулят планеты моему ребенку?

— Это очень странно, — бормотал индийский астролог, полностью погруженный в расчеты. — Но у вашего сына нет предписанного пути. — Он поднял на молодого отца ошарашенные глаза. — Все перечеркнула падающая звезда...

— Вы шарлатан! — сдвинул темные брови мужчина, глядя на безмятежное личико младенца. — У всех есть своя предписанная судьбой дорога в жизни, и звезды обязательно отображают этот путь.

— Только не у этого ребенка, сэр, — поправил на носу очки астролог. — У вашего сына нет ничего определенного, лишь путеводная звезда, к которой его будет тянуть всю его жизнь, и...

— Немедленно покиньте мой дом! — приказал багровый от злости мужчина, выходя из комнаты с сыном. — Вам пришлют чек на оплату ваших неоказанных услуг, но не надейтесь на рекомендации!

— Первый раз такое вижу, — бубнил астролог, не обращая внимания на угрозу и рассеянно вращая в руках листок с натальной картой. — Где же я ошибся? Как можно быть одновременно счастливым и несчастным? Победителем и проигравшим? Ничего не понимаю...

Наше время

Быстрые шаги за моей спиной. Шаги, переходящие в тяжелый топот. Мне опять, уже в который раз, снился странный сон: я в легком струящемся платье и летних босоножках стремительно убегала по темной аллее, а за мной кто-то гнался следом. Я точно знала, что он, этот безликий некто, кричит, зовет меня в ночи, но вот имени, что произносил, как ни старалась, расслышать не могла.

Я убегала от этой темной фигуры, мчалась изо всех сил прочь в липкую тьму. В этом месте после перекрестка в меня всегда больно врезалось что-то огромное, и я бесконечно долго падала-падала-падала на землю, через мгновение ощущая холодный асфальт под щекой...

— Мисс Доусон, — разбудил меня скрипучий голос сто раз перепроверенной спецслужбами горничной. — Пора вставать, если хотите успеть на все встречи.

Я медленно открыла глаза и обвела взглядом унылую безликую спальню. Ну вот. Начался еще один напряженный трудовой день.

И хотя я в принципе не хотела ничего, кроме пары дополнительных часов сна, тренированный мозг уже приступил к своей ежеутренней загрузке, сканируя доступную информацию и размещая ее по ячейкам памяти.

Итак, меня зовут Джейн Доусон. Это для публики. И «объект Ди» — для всего остального мира. Поясню: остальной мир — это спецслужбы, секретные службы и сверхсекретные службы, которые презирают первые две категории, но ничем особым от них не отличаются. Кстати, в каком качестве я представлена президенту и его советникам — не знаю. Если честно, просто не интересовалась. Это последнее, что меня волнует на данный отрезок времени.

Вот что меня действительно беспокоит — это полнейшая безэмоциональность. Я, как оказалось, совершенно неспособна испытывать хоть какие-то чувства. Вообще. Но намереваюсь это исправить, начиная с сегодняшнего дня. Потому что у меня состоялся весьма странный разговор с одним из советников президента.

Вчера

— Мисс Доусон, — спросил меня советник по государственной безопасности, разглядывая из-под насупленных кустистых седых бровей, — вам действительно абсолютно безразлично, когда вы озвучиваете количество жертв, которые может повлечь за собой то или иное решение? Или вас так хорошо натренировали?

— Если вы читали мое досье, мистер Кречет, — равнодушно ответила я на этот выпад, — то вы уже знаете, что я не дружу с эмоциями. Проще говоря, у меня их просто нет. Есть факты и прогнозы — а чувства, с ними связанные, для меня невозможны и совершенно неуместны.

— Но это как-то неправильно, — сложил пальцы домиком советник, глядя на меня исподлобья и пожевывая седой ус. — Как можно так сухо прогнозировать человеческие жизни? Вы же не машина, мисс Доусон.

— Иногда я в этом сомневаюсь, сэр, — пробормотала я, испытывая странное ощущение неловкости. Как будто он пытался вскрыть мой мозг и посмотреть на него изнутри.

— В вашем досье написано, мэм, — не отставал от меня мистер Кречет, — что вы способны просчитать со стопроцентной вероятностью любую проблему и выдать несколько путей ее решения. Но я, — он подчеркнул «я» интонацией, — сомневаюсь, что мы можем использовать ваши рекомендации, если они сделаны без учета человеческого фактора. — Он

поднялся. — Простите, мисс Доусон, но я буду ставить вопрос ребром о вашей непригодности для этой работы. Потому что то же самое нам может просчитать и компьютер. Но компьютер, как и вы, безэмоционален — а следовательно, не человек.

— Как вам будет угодно, — кивнула я холодно советнику и покинула кабинет в сопровождении агентов охраны, размышляя над словами высшего чиновника. Во мне зародились сомнения, если так правильно назвать сосущее чувство неуверенности в своей правоте. Может, это начало постижения новой для меня отрасли науки — человеческих эмоций и чувств?

Почему я такая — не знает никто. Почему действую и живу, как хорошо запрограммированный робот? Интересный вопрос или, скорее, загадка века. Чувства умерли во мне, не родившись, или я не способна их воспроизводить?

— Мне нужны DVD-проигрыватель и диски во всеми романтическими или остроэмоциональными фильмами, — бросила я агентам, открывая дверь в свой гостиничный номер. — Срочно!

— Что вы подразумеваете под «романтическими или остроэмоциональными»? — полюбопытствовал один из моих безликих теней.

— Все, что может вызвать слезы и затронуть душу, — отрезала я, скрываясь внутри. Для особо «продвинутых» пояснила: — Чем больше слез и соплей, тем лучше!

— Да нет ни одного фильма в мире, способного растопить эту глыбу льда, — пробурчал мне вслед второй, такой же безликий, агент. — Если только поставить ей под задницу раскаленную плиту и включить автоген!

Я пожалала плечами. Я такая, какая есть, но мне не нравится, когда меня уличают в некомпетентности. Прогнозирование — это то, что составляет мою жизнь, и в чем я полностью уверена. И если для этого мне нужно проливать горячие слезы в три ручья и изящно сморкаться в носовой платочек, говоря о жертвах, — значит, так и будет.

Через час в моем номере было требуемое. Мне принесли и подключили проигрыватель и выдали сто тридцать два диска и коробку бумажных носовых платков в придачу.

— Приятного просмотра, — ядовито пожелал мне агент, выходя из номера. Не оборачиваясь, присовокупил к сказанному: — Надеюсь, вам хоть что-то понравится, мисс Доусон. По крайней мере, мы все обзвонили своих жен, подруг и сестер, чтобы подобрать вам эту коллекцию.

— Благодарю! — кивнула я, засовывая в проигрыватель первый диск и включая ускоренный показ.

— У вас есть ровно два часа до следующей встречи! — строго заявила мне секретная горничная, поправляя на бедре пистолет под форменным платьем. — Поторопитесь!

— Непременно, — согласилась я, отключаясь от внешнего мира и погружаясь в мир кинематографа и выдуманных историй.

Пока я смотрела и впитывала в себя весь спектр человеческих проблем и переживаний, под дверь моего номера слонялись толпы агентов, периодически заглядывая и проверяя меня и коробку носовых платков.

— Все бесполезно, — заявил один из них. — Ее ничто не может сдвинуть с мертвой точки. Это не женщина, это скала. Наверняка сейчас уже плюнула и давно спит.

— Скала может раскрошиться, — возразил второй. — А наш объект — именно что объект, а не живой организм.

— Мисс Доусон, — снова нарисовалась настырная горничная, почесываясь через

отверстия на месте рукавов бронежилета. Напомнила, вызывая мерзким тоном своего голоса зубовный скрежет, как от бормашины: — Вы опаздываете на совещание.

— Потом досмотрю, — встала я с кресла и внимательно взглянула на оставшиеся тридцать восемь дисков.

Несмотря на скептицизм агентов, вчерашний вечерний просмотр для меня даром не прошел. Пару вещей я уяснила точно: в основном все героини получали свои переживания либо через секс, либо в процессе побега откуда-то. Осталось лишь выбрать для себя, что из списка я попробую первым. Потому что хоть мне и нравилось решать множество проблем одновременно, но кое-что оставалось за кадром моей жизни. И я намеревалась это исправить!

А сегодня...

— Мисс Доусон! — заорал у меня над ухом мой персональный неутомный дятел и будильник в одном лице в форменном платье и при пистолетах. — Не придуривайтесь! Вы уже давно проснулись!

Да, я проснулась. Сейчас встану, доползу в ванную и узрю в зеркале одну и ту же картину, которую вижу на протяжении последнего года, — смазливую мордашку с гладкой фарфоровой кожей. Девушку лет двадцати, с идеальными чертами лица, великолепными белоснежными зубами и не менее идеальными пепельными вьющимися волосами, ниспадающими до самой талии. Просто-таки идеал белой леди-переселенки!

Во мне нет изъянов. А очень хочется, чтобы были. Хотя бы один и мелкий, но мой. Но нет. Яркие бирюзовые глаза, брови вразлет, скульптурно вылепленное лицо, точеная фигура. Сплошное слюноотделение и мужской восторг. Хотелось бы его разделить, но у меня восторгов не бывает.

— Мисс Доусон! — никак не могла успокоиться неутомимая дама с тонкими губами, постоянно сжатыми в куриную гузку. — Вы не можете опаздывать! Это не принято в высшем обществе!

Вообще-то в высшем обществе принято еще и не то. За год я внимательно изучила этот социальный пласт и узнала все его потайные стороны и грязные мыслишки. Меня постоянно выводят туда на променады. Там на меня глазают, вполне искренне вожделеют и жадно представляют, каково это — трахнуть национальное достояние. Но все это тщательно скрывается под лощеными манерами и непроницаемыми масками.

— Мисс Доусон! — верещала моя суперпупергорничная с вечно насупленными бровями и нездоровым зеленым цветом лица. — Даже ваша уникальность не заменит вам хороших манер!

Я вздохнула и выпрямилась. Да, я уникальна. Мой мозг — самый совершенный компьютер. Я могу просчитывать все: ситуации, инвестиции и последствия любых поступков. По моему желанию падают или поднимаются биржевые акции. Все крупные финансовые вложения обычно одобряются мной. По моим советам и консультациям оценивается политическая обстановка. В общем, я знаю все, кроме...

Я не знаю, кто я. Откуда взялась. Как на самом деле зовут. И зачем живу. Зачем каждая минута моего дня расписана на много лет вперед. Почему ни в одном засекреченном архиве я не могу найти даже упоминание о себе. Вернее, не так — есть куча файлов, но самый ранний из них датирован прошлым годом. А дальше только гриф «Сверхсекретно». Ну не могла же я в самом деле родиться от союза этого грифа и бумаги, на которой он поставлен!

— Мисс Доусон! — снова занудила горничная ноль-ноль-семь, имени которой я принципиально не хотела запоминать. — Через пятнадцать минут у вас завтрак. И если вы не хотите вкушать пищу неумытой и в пижаме, то вам пора вставать.

— Доброе утро, — мужественно запретив себе дальше симулировать, вновь открыла я глаза. Все как всегда — безликий роскошный гостиничный номер, недружелюбные лица служащих и внутренняя пустота.

Помпезная кровать с кожаной коричневой обивкой изножья и изголовья, стены в оранжево-коричнево-бежевой гамме, клетчатый ковер на полу (не будем вспоминать, какого оттенка!), большие стеклянные окна, темные серые гардины из дамаста со светлыми узорами. Белый столик у одного из окон с намеком на аристократичность. Пузатые терракотовые кресла. Примитивная люстра с белыми плафонами. Такие же бра. Рядом уныло-помпезный кабинет а-ля чиппендейл, узкая гардеробная... бодряще-голубая кухня с видом на Вашингтон (единственное исключение из пятизвездочного стандарта, подозреваю, за нее государству приходится прилично доплачивать). Туалет для дальтоникиков — черно-сине-золотой. Ванна для них же — бело-розовая.

Если бы я была более эмоциональна, то от одного вида осточертевшего гостиничного дизайна могла бы завывать. Но если вспомнить в придачу ко всему забитую дешевыми синтетическими ароматизаторами слабую вонь химчистки, полиролей, запах антисептиков и казенной пыли, которые приходится вдыхать день за днем, гостиничный быт становится вообще тяжело переносить.

Я потянулась, встала и пошлепала в ванную. Равнодушно уставилась на себя в зеркало. Все как всегда. Идеально. Ясные глаза, свежая кожа, прическа — волосок к волоску. М-да, а хотелось бы хоть раз проснуться опухшей и растрепанной с мужчиной в обнимку. Покосилась на унитаз. Честное слово, не удивлюсь, если открою крышку и оттуда вылезет бравый агент спецслужб, контролирующей канализацию.

И именно в этот момент я решила, с чего начну свое путешествие в нормальный человеческий мир! Выбор сделан!

— Позовите мне мистера Паррота! — крикнула я своей надзирательнице, как всегда карающей под дверью. — Мне нужно срочно с ним поговорить!

— Это невозможно! — откликнулась горничная, скрипя зубами и ненавидя меня, себя и заодно весь мир. — Вы и так опаздываете!

— Или я поговорю с главой секретной службы и опоздаю, — заявила я в ответ, выдавливая пасту из тюбика на зубную щетку, — или не пойду совсем!

— С жиру бесится! — тихо пробурчала в сторонку рьяная служака, но что-то прокричала в рацию на своей личной азбуке Морзе. Типа Пятачок вызывает Винни Пуха, потому что Крошка Ру хочет десерта. Хм... Очень глубокомысленный шифр. Враги ни за что не догадаются.

— Мистер Паррот спрашивает, — через пару минут заорала горничная, когда я полоскала рот, — по какому вопросу?

— Скажите, что меня не устраивает отсутствие личной жизни, — любезно пояснила я, выплывая из ванной и двигаясь к накрытому для меня столику с завтраком. — Хочу разнообразить свое пребывание здесь.

И новая порция бреда по рации, что нужен ослик Иа и горшочек с медом. Первое навевало мысль о слабоумии, второе о диабете.

Пока я жевала условно съедобный завтрак, трудолюбиво перерабатывая безвкусную

тепличную клубнику и резиновые олады с кленовым сиропом, и заодно выстраивала свою линию поведения, в номер стремительно ворвался мистер Паррот.

— В чем проблема, мисс Доусон? — делано изумился высокий тощий мужчина, нависнув надо мной знаком вопроса. — Любой из охраняющих вас агентов будет счастлив удовлетворить любую вашу потребность.

— Да неужели? — ехидно сощурилась я, скопировав мимику одного из множества крутившихся в моей голове фильмов. Надеюсь, сейчас я не стала напоминать улыбающегося Шварценеггера-Терминатора!

— Конечно, — подтверждающе кивнул суперпуперначальник в черном пиджаке. Дернул плечом. — Я немедленно отдам соответствующее распоряжение.

— А камеры? — изогнула я бровь, следуя тактике героини из фильма. Топнула ножкой и состроила подходящее выражение физиономии. — Я не собираюсь предаваться своей личной жизни под прицелом камер и множества наблюдателей.

— Если вы выберете одного из наших агентов, мисс Доусон, — неискренне заверил меня собеседник, — камеры будут отключены.

— Я проверю и удостоверюсь, — уменьшила его фальшивый восторг подопечная.

— Всенепременно, — скис начальник. Он был прекрасно осведомлен о моих возможностях.

На том наш спор и закончился. Мне как-то не очень светило получить заработанное многомесячной службой свидание под принуждением. Но пусть меня простят будущие подопытные, я его выстрадала и заслужила.

— Отдайте, пожалуйста, все необходимые распоряжения, — заявила я мистру Парроту, моделируя ситуацию и начиная ощущать настоящий азарт. Впервые с того момента, как я открыла глаза и узнала, что я мисс Джейн Доусон. Имя «Джейн» мне нравилось, а вот фамилия... Но еще хуже была кличка «объект Ди»! Но разве кто-то спрашивал моего мнения, когда составлял секретную директиву? Нет. И совсем зря...

— У вас сегодня важная встреча, — напомнил мне начальник всех агентов.

— И что? — буркнула я в ответ. — У меня сегодня слегка изменились планы.

Планы у меня действительно изменились, и даже не слегка. Но кому нужны детали?

— Это недопустимо, мисс Доусон! — завопила резаным подсвинком или, скорее, свиной сверхсекретная горничная с шестым уровнем доступа, не сумев удержаться от критики в присутствии начальства. — У вас сегодня встреча с самим президентом!!!

— Это у него сегодня встреча с самой мной! — ядовито отрезала я. — И ему это гораздо нужнее, чем мне! — Встала из-за стола. Пристально посмотрела на стремительно бледнеющего мистера Паррота. — Вы ничего не хотите узнать по поводу этой встречи, которую вы перенесете через десять минут на основании того, что у меня свиной грипп и вирусная пневмония?

Начальник застыл с миной беженца-погорельца и памятником всеамериканскому стихийному бедствию и уже мысленно оформлял себе пособие по безработице. Молча, но по виду вполне красноречиво. Я решила, что мне нравится такое положение дел. Но отдавала себе отчет, что людям нужно давать возможность осмыслить все последствия. И потому особо не давила, сами из себя все выдавят.

Я направилась в гардеробную, при этом полностью игнорируя беснующуюся каргу и соляной столп.

— Если сам президент будет обо мне спрашивать... — Тут я на минуту задумалась. —

Скажите, что на интересующий его вопрос ответ — «нет». — Я потеряла пальцем нос. — И еще... Не надо принимать последний закон — это надолго подорвет экономику страны.

— Но-о, — испуганно уставилась на меня негласная надсмотрщица, — повестка вашей беседы еще не получила огласки...

Я обернулась и пристально посмотрела. В упор. Все! Вопросов и реплик в мою сторону в ближайшие полминуты не последовало. На большее нечего и рассчитывать, наша гримза весьма вынослива, у нее иммунитет к любым моим действиям. А зря, кстати. Зря.

Мистер Паррот начал возвращать себе краски и подавать признаки жизни. Все же в чем-то фильмы оказались правы: женщины всегда выносливей мужчин. Вон горничная скачет резвой жучкой, пока начальник только прокручивает в голове сто пятый способ его устранения с должности.

И опять перезагрузка Терминатора в прямом эфире.

— Но... — вякнула горничная.

— Это вы мне? — насмешливо подняла я брови, полная решимости начать испытывать хоть какие-то чувства и ощущения. Презрительно фыркнула, поправляя утренний пеньюар: — Вы серьезно думаете, что я не знаю, по какому поводу меня беспокоят?

— Ик! Но это неслыханно! — слегка оправились от первоначального шока икающая горничная, следуя за мной по пятам. — Ик! Что мы скажем президенту?

— Я все передам сам! — выскочил в коридор мистер Паррот. — И отдам необходимые распоряжения! Но поблажка будет исключительно сегодня, и у вас потом совсем не останется времени из-за сдвинувшегося расписания!

Ой-ой-ой, у меня уже просто дрожат коленки от такой угрозы. Интересно, что они придумают, если я откажусь сотрудничать? Лишат меня кофеина или сладкого? Им же хуже: и то и другое работает как стимуляторы мозга!

— Скажите, что я отправилась искать личную жизнь! — бесцеремонно захлопнула я у нее перед носом дверь в гардеробную. И сморщилась, с неудовольствием озирая начинку узкой комнатки. — Фу, какая гадость!

Отведенное под одежду пространство гардеробной было занято либо типичными офисными деловыми костюмами, либо вечерними платьями, отделанными стразами и перьями, мехом и кружевами. Ткани — бархат и гипюр, атлас и трикотаж. Все страшно дорогое, безумно элегантное и в реальной бытовой обстановке абсолютное неприменимое, как, например, то платье с глубоким вырезом на спине до самых ягодиц. Что поделаться, другой смысл жизни объекта моей охраной просто не предусматривался.

— Наивные, — дернула я плечом и достала с нижней полки маленький, запертый на замок чемоданчик, набирая секретный код. Вытянула оттуда белую майку и потертые джинсы, приобретенные под пристальными осуждающими взглядами в одном из аэропортов. Хотя взгляды тогда относились не к джинсам, а лично ко мне, поскольку, каюсь, сбежала от охраны и послонялась по аэропорту полчаса чисто для отдохновения.

Вины за эту выходку я за собой не чувствовала, поскольку до этого по-хорошему просила провести меня по магазинчикам. Три раза просила. Но меня усадили в зале для важных персон и окружили плотной стеной из спин и задниц агентов. Через десять минут мне надоело рассматривать мужские задницы, упакованные в одинаковые черные брюки, и я попросилась в туалет. А оттуда ускользнула, смешавшись с толпой шумных туристов, и отправилась бродить по магазинам.

Пока я получала свое маленькое удовольствие, одна половина агентов поседела, вторая

рвала на себе волосы, приближаясь к облысению. А у единственного лысого агента, который не мог соответствовать, затряслись руки и чуть не началась истерика. В общем, когда меня все же обнаружили меряющей джинсы, они уже были морально готовы меня убить с особой жестокостью, расчленив и свалить все на террористов.

Я загладила свою вину предсказанием о продвижении основных акций фондового рынка, и мы остались почти друзьями. Теоретически. Практически мне оплатили джинсы, майку и кроссовки — только для того, чтобы я не саботировала свое расписание и все же дошла до самолета своими ногами.

Даже секретным службам трудно объяснить, почему важную пассажирку доставляют на борт аэробуса в наручниках и под мышкой.

— Зачем вам эти дешевые штотки? — полюбопытствовал один из агентов, быстро набирая на телефоне сообщение жене о том, какие акции нужно срочно купить.

— Чтобы было, — пожалала я плечами, прижимая к себе чемоданчик. — Я так хочу. — Просто в аэропорту я остро ощутила, что мне позарез нужен именно этот комплект. Скажем, в определенный судьбоносный момент сработала моя идеальная, будь она неладна, интуиция.

— Мы должны все передвинуть! — истерично вопила в рацию красная от возбуждения горничная ноль-ноль-семь, попутно закидываясь сердечными таблетками. — Мы полностью выбиваемся из расписания!

Я фыркнула и сложила приготовленную одежду аккуратной стопкой, прикрыв одним из деловых костюмов. После чего защелкнула чемодан и снова запихнула его на место.

Все так предсказуемо... Сейчас самое высшее начальство побежит докладывать более высшему, которое в этот судьбоносный момент слегка размякло в объятиях молодой любовницы и стало более добродушным. На это сверхвысокое начальство пропыхтит в трубку, что оно согласно предоставить мне отпуск... аж на полтора часа, но потом мне будет нужно наверстать все, что я так бессовестно пропустила. Дальше все пойдет по обратной цепочке и...

— Слушаюсь! — ответила на поступившее распоряжение надзирательница и устроилась под дверь, чтобы не пропустить мой торжественный выход.

Я хмыкнула и выбрала для себя обольстительный комплект: черную шелковую сорочку, отделанную золотыми кружевами. И такой же пеньюар сверху. И быстро переоделась, попутно расчесав волосы, пощипав себя за щеки для сексуального румянца стыдливости. Все же выбор партнера предусматривал некоторое смущение, которого у меня не было и в помине, но если по сценарию положено...

— Мисс Доусон, — завелась карга, как только я открыла дверь и переступила порог. Она уже успела оправиться от первоначального шока из-за моего неподобающего наряда. — Вам дается, — посмотрела на часы, до секунды засекая время, — один час двадцать девять минут на устройство своей личной жизни...

— Как мило, — иронично ответила я, отодвигая ее со своей дороги и направляясь на выход. Заметила сухо: — Надеюсь, на сей раз вы оставите свои дурные привычки и не станете за мной подглядывать.

— Мисс Доусон, — скрипнула коронками горничная ноль-ноль-семь, — я не делаю ничего, что мне не было бы предписано. И хочу вам напомнить, что все неженатые агенты ждут вас в соседнем номере.

Воистину фантастическая оперативность! Или они к этому заранее готовились? Я

напряглась, направляя свое внимание к данному вопросу, и удивленно хмыкнула: и впрямь готовились!

— Еще милее, — уныло констатировала я факт государственной случки. Ну, не так чтобы очень уныло, но я активно постаралась это чувство сгенерировать.

— Мисс?.. — Служащая снова попыталась мне намекнуть, что время пошло. Хорошо, что я не способна испытывать раздражение! Почти не способна!

Я остановилась, окинула женщину пристальным взглядом и спокойно заметила, причем не сказав ни слова неправды:

— Мисс Розен, если вы будете настолько сильно отдаваться своей службе, то вас через три года с воинскими почестями похоронят на маленьком кладбище вашего родного городка. Так что сделайте выводы и отдайтесь лучше мужчине. — После чего взялась за ручку двери и добавила: — Я вернусь ровно через три с половиной минуты, и вас здесь быть не должно! Иначе я поставлю в известность руководство, что вы срываете мой краткосрочный отдых и мешаете устройству моей личной жизни! — И вышла в коридор, не отказав себе в удовольствии хлопнуть дверью.

В соседнем номере, похожем на мой, как однояйцевые близнецы, только без кухни, меня ждали пять мужчин примерно одного возраста: от двадцати восьми до тридцати пяти. Блондин, брюнет, шатен, лысый и с дредами. Скандинав, итальянец, англичанин, бразилец и афроамериканец.

Лица у всех пятерых непроницаемые. Костюмы по крою одинаковые. Даже позы идентичны. Манекены, застывшие, чтобы показать все свои лучшие стороны.

Интересно, чем руководствовались мои кураторы при критериях отбора? Неужели последней полицейской программой MG 909, которая с помощью мини-камеры отслеживает симпатию или антипатию по движениям глазного яблока донора в направлении реципиента? И что им за это пообещали?

Впрочем, я сейчас по-любому все узнаю.

Мужчины развернулись ко мне и замерли в ожидании.

Итак...

Скандинав. Был обручен. Помолвка расторгнута по его вине. Невеста вышла замуж за другого. Нетороплив и основателен. Но! Несостоятелен. Как... ну и так понятно, если невеста ушла к другому. Тщательно скрывает свой недуг и постоянно всем врет о своей неоппадающей эрекции. Надо думать, если перманентно закидываться возбуждающим в конских дозах! Интерес ко мне больше для своего раздутого эго и хвастовства между своими. Награда: повышение зарплаты.

Англичанин. Ни с кем не встречается из-за того, что тщательно скрывает свои предпочтения и очень боится, что его раскроют. Вон как потеет при включенном кондиционере. Опасается, что его любовник узнает и бросит его, а еще хуже — разболтает всем. Интересов нет никакого, просто боязнь отказаться и поставить себя под сомнение. Награда: перевод в другое подразделение.

Бразилец. Меняет девушек раз в неделю. Два раза лечился от неприятностей. Дальше можно не продолжать. Интерес количественный, поскольку все очень быстро происходит и постоянно требуется новизна. Причем не важно, как выглядит партнерша, главное, чтобы у него с ней до этого ничего не было. Награда: бесплатное обучение для его внебрачного ребенка, на которого он платит алименты.

Афроамериканец. Мускулистый красавец, но в последний раз мыл свои дреды и был в

душе неделю назад, когда вернулся с задания. После этого позволил себе расслабиться и сейчас размышляет, удивят ли меня, если я его выберу, боксеры с сердечком на самом интересном месте, на котором вышито «Я люблю тебя, малыш!».

Ответ прост: не удивят, ибо мне представляется, что в его случае это не прикол или шутка, а честная констатация факта. М-да-а-а-а. Заядлый фетишист, который мечтает узнать, какое белье я ношу и как оно пахнет. Награда: повышение по службе.

И наконец, итальянец. Высокий, еще по-юношески поджарый. Черные, слегка взлохмаченные волосы. Синие глаза с длинными ресницами. Родинка над верхней пухлой губой и... страстное, неподдельное желание оказаться тем самым счастливым. Он единственный хотел меня ради меня и не просил за это никакой награды.

Да, я должна была выбрать не его. Кого угодно, лишь бы не его, чтобы не портить ему жизнь и не убивать мечты. Но что-то необъяснимо дрогнуло внутри...

— Агент Мано, — обратилась я к нему, заставив слегка вздрогнуть. — Следуйте за мной. — И развернулась на выход, полностью уверенная, что он неукоснительно выполнит мое указание.

Так и случилось. Следует еще упомянуть: когда мы покидали номер, раздался тихий коллективный выдох. И как тут не воспользоваться моментом?

Я глянула через плечо на четырех расслабившихся мужчин и, мило улыбнувшись, пропела:

— А вы в следующий раз! — не уточняя, кто из них именно и когда. Пусть получают заряд бодрости.

— Джейн, — начал говорить мужчина, как только за нами закрылась дверь моего временного обиталища.

— Тсс! — приложила я палец к его губам. — Не надо слов, Кэмерон. Просто раздевайся. — И взглянула в ближайший угол. Красный огонек камеры погас. Молодцы, благоразумно не стали меня дразнить. Впрочем... Я пробежалась глазами по номеру. В одном случае плеснула в угол виски и заклеила любопытствующее окошко жвачкой. В другом — вырвала и наступила каблуком. Потом, тяжело вздохнув, собрала в горсть пучок остальных записывающих устройств и смыла в унитаз. Еще раз обвела взглядом помещение: ничего не упустила? Чисто.

Значит, сейчас за нами наблюдения нет. Прекрасно, не будем терять время.

— Ди, — снова попытал счастья мой избранник, не сводя с меня напряженного взгляда и стаскивая с себя пиджак. — Нам...

Я глубоко вздохнула, толкнула Кэмерона на уже заботливо расстеленную постель и запрыгнула на него, неумело прижимаясь губами к слегка приоткрывшемуся от удивления рту. И пока агент ловил кайф, драйв или еще что-то там — быстро нажала на специальные точки, вырубая его сознание.

Зря мне подсунули для просмотра несколько боевиков. Там были такие возможности выучить кучу грязных приемов. Да что это... Я сейчас точно знала, как и когда делают сепуку и как перерезают горло. Как свернуть шею противнику, попасть по гениталиям, вырубить или убить. Умение пользоваться автоматическим оружием я даже не считаю, это само собой.

— Прости, — прошептала я, отстраняясь и прикрывая его простыней, — но это мой единственный шанс побыть одной и хоть как-то изучить окружающий мир.

Конечно, очень глупо что-либо объяснять бессознательному человеку, но мне было не

все равно. В груди защемило от незнакомого чувства сожаления, во рту появился привкус вины. Допускаю, что я не так безнадежна. Но если секс в моей жизни все еще предусматривался, то побег был возможен исключительно сегодня.

Я быстро спрыгнула с кровати, мотнулась в гардеробную, где мигом переоделась и схватила маленький, заранее подготовленный рюкзачок, в котором до этого хранилась моя косметика. После выскочила на балкон, бросив последний грустный взгляд на мужчину, раскинувшегося на моей кровати.

На балконе я оценила ситуацию и довольно усмехнулась.

Вот зря они выбрали суперзащищенный отель с кучей украшений на фасаде. Естественно, я без проблем залезла на крышу, пробежала наискосок и спустилась в подсобные помещения. Там быстро натянула на голову бейсболку с логотипом отеля и такую же курточку и преспокойно отправилась вниз, выйдя через черный ход.

Конечно, я пропускаю кучу просчитанных или созданных мной сторонних моментов и действий, как то: суп, случайно пролитый официантом, что на долю секунды отвлекло моего бодигарда, а также привлекло внимание охраны при видеопросмотре. Закоротившую розетку в девяносто девятом номере. Скандал между супругами этажом ниже моего в номере напротив, недоразумение между постояльцами в холле, время прохода всех спутников-шпионов и невозможность увидеть меня с помощью их камер... и так далее.

И меня никто не остановил. Хотя разглядывали. Но все больше грудь и филейную часть, которой я резво покачивала, увеличивая скорость шага, пока не скрылась на ближайших улицах.

Я медленно шла, зная, что у меня есть время, и крутила во все стороны головой, рассматривая город, в котором оказалась. Как много городов я знала лишь по отелям и видела из окошка быстро едущей по центральным улицам машины!

— Эй! — окликнул меня разухабистый развозчик пиццы в лихо заломленной кепке, симпатичный и непосредственный. — Куда спешит такая привлекательная девушка?

— Девушка еще не знает, — широко улыбнулась я, демонстрируя дружелюбие. — Она только приехала в ваш город и хотела бы осмотреть достопримечательности. Посоветуешь, с чего начать?

— Начни с меня, а? — усмехнулся паренек, шутливо кланяясь. — Я — Марио. Через полчаса освобожусь и могу показать тебе город. Если, конечно, захочешь.

— Почему нет? Я... — Хотела назвать чужое имя, но уже сорвалось с языка невольное: — Ди. — Я пожалала плечами в недоумении на такую личную глупость, принимая протянутый мотоциклетный шлем и усаживаясь сзади парня. Приключение началось. И тут кольнуло знакомое ощущение, похожее на чувство... вины? — Но у меня нет денег.

Вот как знала: что-то забыла! Я отмахнулась от назойливо жужжащей мысли, не желая сейчас портить себе маленький отпуск. Конечно, мне придется вернуться назад, иначе меня будут искать все, кто может, и еще вдогонку припрягут тех, кто не может, чтобы те сделали за первых всю работу и отдали честно заработанную славу. И случится это ровно через двадцать два часа, а до той поры я пока могу наслаждаться тем, чего у меня никогда не было... или я просто этого не помнила.

— А у кого из нас они есть? — весело рассмеялся Марио, показывая белые крупные зубы. Залихватски подмигнул. — Может, я и не миллионер, но для красивой девушки у меня хватит на мороженое и бокал кьянти!

— Тогда вперед! — обняла я его за талию, прижимаясь к легкому, сухощавому торсу и

зная, что с ним я получу замечательное приключение, ничем не грозившее моей безопасности. — Покажи мне этот мир, красавчик!

— Держись крепче! — предупредил меня юноша, срываясь с места. — Мы полетим, чтобы стать свободными!

Мне в лицо бил ветер, оставляя на губах вкус дорожной пыли, морского бриза и свободы. Сейчас мне было хорошо. Нет! — замечательно, восхитительно и великолепно! Как будто пали стены тюрьмы и горизонт стал чистым и практически безоблачным. И только одно омрачало это светлое чувство. Кэмерон.

— Хочешь что-то выпить? — любопытно спросил Марио, подъезжая к небольшому бару на набережной.

— Вишневым соком, пожалуйста, — сделала я свой выбор.

— Для такой красивой девушки хоть звезду с пальмы, — улыбнулся паренек, помогая мне сойти с мотоцикла и препровождая в бар, где сделал заказ. И я тут же облила свою белую майку красным соком.

— Боже! — возрилась я в ужасе на расплывающееся красное пятно. — Как я теперь буду ходить?!!

— Да не нервничай ты так, — утешил меня Марио. — У меня в сумке есть запасная чистая футболка. Тебе, конечно, будет великовата, но это лучше, чем ходить в мокром.

Вот так я обзавелась темно-синей футболкой с принтом «Хочешь поесть? Спроси меня где!» на груди. А в баре мне подарили роскошную широкополую шляпу из белой соломы после того, как я обыграла бармена в дартс и переорала музыкальный автомат.

— Хочешь мороженое? — протянул мне начинающий подтаивать рожок с лакомством Марио. — Ванильно-шоколадное.

— Спасибо, — поблагодарила я, благоговейно разворачивая золотистую липкую обертку.

Я, которую кормили из самых дорогих и шикарных ресторанов, которая перепробовала все мыслимые и немыслимые деликатесы, перед которой заискивали знаменитые шеф-повара, соревнуясь в высоком искусстве кулинарии, слизывала с пальцев тающее дешевое мороженое за доллар и наслаждалась так, как будто ничего в своей жизни слаще не ела.

Этот бар, напоминавший собой старую хижину, где на потрескавшихся, потемневших от времени бревенчатых стенах висели тканые вручную яркие разноцветные коврики, а с потолка свешивались плетеные корзины с чесноком, луком и яблоками, стал оплотом моей свободы на почти целые сутки. Он не был моим домом, и не мог им быть, но стал временным безопасным пристанищем моего сердца, которое, оказывается, могло биться гораздо чаще, и не только в силу физиологии.

— Марио! — ввалилась в бар компания шумной молодежи, одетой в пестрые цвета, от которых становилось радостно на душе, но рябило в глазах. Какое отдохновение от черных, синих и серых тонов, принятых в том скучном, унылом мире, куда меня заточили. — Что ты делаешь?

— Учу играть Ди на бильярде, — откликнулся хихикающий юноша, потирая живот, в который я нечаянно заехала кием, отрабатывая удар. — Присоединяйтесь!

День прошел великолепно. Я тусовалась в компании молодежи, готовой на любые приключения, потому что молодость отчаянна и бесшабашна. Перепробовала кучу коктейлей, пару раз затянулась сигаретой, пробежала по кромке воды и намочила джинсы. Выслушала тысячу прикольных историй... и все это время меня изнутри точило чувство вины. Я целенаправленно и достаточно подло подставила Кэмерона. И мне еще предстоит

разбираться с последствиями своего поступка.

— Чего скисла? — толкнула меня локтем маленькая веснушчатая Лисса, сидящая рядом со мной на причале, пока остальные мелкие итальянско-англиканские отпрыски пытались поймать рыбу на леску, используя для наживки пиццу.

— Нужно возвращаться, — тяжело вздохнула я, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от песка. — Мои опекуны уже наверняка волнуются.

«Опекуны» уже не просто волновались, а должны были стоять на ушах, бровях и всем, что еще у них могло стоять вообще. Разумеется, за исключением того, что было на это действие запрограммировано природой.

— Марио! — крикнула Лисса. — Сможешь отвезти Ди в отель? Ей срочно надо!

— Конечно! — махнул рукой паренек, двигаясь в нашу сторону. Взглянул на меня. — Может, еще останешься? Мы собирались костер разжечь...

— Не могу, — закусил губу. — Довези меня, пожалуйста, до того места, где подобрал. Дальше я сама дойду, а то тебе попадет от моих опекунов.

И не просто попадет. Тебя схватят, просветят рентгеном и начнут допрашивать с применением спецсредств, какие страшные тайны я тебе на досуге раскрыла.

Как узко мыслит обычный секретный агент... Мне что, больше не о чем было с Марио говорить? Только о государственных тайнах?! Или это единственная приемлемая тема обсуждения? Угу. «А сейчас, в промежутке между двумя коктейлями, я расскажу тебе, Марио, страшную тайну — один из очень высокопоставленных и богатых людей любит носить стринги, когда танцует румбу с одним из дежурящих в это время охранников». Фи. Подумаешь, секрет Полишинеля! Его все горничные отелей страны от Вайоминга до Аляски, не считая иностранных пятизвездочных отелей, знают!

Или что в кабинете у еще одного влиятельного лица есть потайная дверь, ведущая в комнату с кнутами и плетками, в которой он любит развлекаться с дорогими проститутками. И об этом никто-никто не знает, только шепчутся по углам. Ну да... разве что пальцами в него не тычут!

— Тогда поехали, — грустно улыбнулся юноша, провожая меня к своему старенькому мотоциклу и снова протягивая шлем. Он посмотрел на меня и признался: — Мне бы хотелось, чтобы ты осталась со мной, Ди. — И опять печальная усмешка. — Но ты другая. — Он попытался объяснить: — Ты ведешь себя так странно. Как будто никогда ничего такого не пробовала и не испытывала. Хотя при твоей красоте перед тобой должен лежать весь мир.

— Он и лежит, Марио, — тихо сказала я, надевая шлем. — Только я не хочу такого мира. — И уселась к нему за спину, уткнувшись лицом в нагретую солнцем и молодым, разгоряченным телом футболку.

Марио довез меня до места и соскочил с мотоцикла, намереваясь проводить до отеля.

— Не надо, — мотнула я головой, пряча глаза. — Слишком опасно. — И стянула с себя темно-синюю футболку, сунув ему в руки и натягивая свою приметную испачканную майку. — Спасибо.

— Оставь себе, — недоуменно уставился на меня паренек. — Как память.

— Память всегда со мной, — криво улыбнулась я. — Этого никто у меня отнять не сможет. А футболку лучше заberi, чтобы через нее на тебя не вышли. Зачем тебе лишние проблемы?

— Проблемы? — поразился Марио. — О чем ты говоришь? Какие могут быть у меня проблемы из-за того, что я одолжил тебе футболку?

— Большие, — подняла я на него глаза. — Поверь, ты не захочешь о них знать. И вообще, спасибо тебе за сегодняшний день. Мне было очень, очень хорошо.

— Всегда пожалуйста, Ди, — воодушевился парень. — Только свистни — и я к твоим услугам.

— Я не умею свистеть, — невольно смутилась я.

Парень стоял, переминаясь с ноги на ногу и глядя на меня влюбленными глазами. Молодой итальянец признался с улыбкой:

— С тобой так хорошо, что не хочется уходить...

Столько душевного света, тепла, бескорыстной симпатии и харизмы, но... Я помолчала, сканируя эфир, и сказала, жестко глядя ему в лицо (надеюсь, парень услышит и поймет):

— Запомни одну вещь, Марио. Через двадцать четыре дня к тебе придет друг и предложит замутить одно выгодное дельце. Если ты откажешься, то проживешь долгую и счастливую жизнь. Если согласишься, то умрешь в возрасте тридцати одного года в тюрьме строгого режима. Помни об этом и сделай правильный выбор, — наклонилась к нему и коснулась губами его небритой щеки. — Прощай, Марио, и будь счастлив.

— Кто ты, Ди? — крикнул он.

— Потом узнаешь, — не оборачиваясь, бросила я через плечо, удаляясь. Махнула рукой. — Забудь, что ты меня когда-нибудь видел.

Я отошла и долго глядела ему вслед, прощаясь не столько с ним, сколько со своей такой короткой свободой. И как только Марио исчез в толпе, я подняла голову к стремительно темнеющему небу и глубоко вздохнула.

Да, мне пора возвращаться, хотя у меня еще было время. Но времени совсем не осталось у группы детей, направляющихся на экскурсию в музей, который злоумышленники намереваются захватить и ограбить. Несмотря на мою кажущуюся бездушность, мне не все равно. Именно поэтому я пожертвовала частью своего побега. Но кто скажет мне за это спасибо, кто? Уж точно не мое начальство.

Я спокойно прошествовала оживленными улицами к отелю, разглядывая зажигающиеся витрины, и вышла на площадь, оцепленную полицией и секретными службами. Все вокруг мигало и переливалось красно-синими огнями полицейских машин. Бегали и суетились люди, надрываясь криками в рации.

— Мэм, — повернулся ко мне один из копов, когда я приблизилась к оцеплению. — Вы ранены? — скользнув взглядом по моей заляпанной соком майке.

— Нет, — качнула я головой. — Это сок. Вишневый.

Полицейский разочарованно отвернулся.

Я осторожно коснулась его рукава:

— Позовите, пожалуйста, любого из агентов. Скажите, что пришла Джейн Доусон.

Темноволосый мужчина средних лет окинул меня суровым взглядом, поджал губы и сердито заявил:

— Не знаю, откуда вы взяли закрытую информацию, мэм, но это не смешно. Идите подобру-поздорову, пока вас не привлекли.

— Офицер Рэй Редсон, — вернула я ему точно такой же взгляд. — Вы родились сорок пять лет назад в тихом местечке под Чикаго. Ваша мама, Лилиан, осталась вдовой в возрасте тридцати восьми лет, потому что ваш отец погиб на службе, закрыв собой маленького мальчика... У вас жена Кимберли и трое детей: Кейт, Мелвин и Вилсон. Есть еще внебрачные дочь Ребекка и сын по имени Квентин, их мать зовут...

Коп поменялся в лице и начал что-то громко орать в рацию, судорожно сжимая ее в руке. И тут все завертелось в мгновение ока.

Меня молниеносно окружила стена из агентов, прикрывших мое тело, как будто на него хоть кто-то покушался, кроме них.

— Мисс Доусон, — прорвался ко мне суперпуперначальник. — Вы ранены?

— В самое сердце, — серьезно ответила я. — Причем исключительно вашим отношением.

— Обследовать! — приказал этот мегазасранец, и меня потащили к докторам, которые радостно потирали ручки в перчатках и нацеливали на меня шприцы, рентген и все, что могли удержать в руках.

— Я в порядке, — сообщила я им. — И если кто-то ко мне подойдет, то я буду считать это насилием над личностью и приму соответствующие меры!

Какие меры я буду принимать — естественно, не сказала, оставляя все на их фантазию. Ибо нет худшего страха, нежели придуманный.

Меня оставили в покое и запихнули в машину, перевоза в другой, еще более секретный отель, где сдали с рук на руки новой горничной ноль-ноль-восемь. Старая три часа назад подала рапорт об отставке и собиралась уехать в свой родной поселок, чтобы выращивать там кукурузу и устраивать свою личную жизнь.

— Мисс Доусон, — таким же противным голосом, как и предыдущая надсмотрщица (это один из негласных критериев отбора), занудила горничная-агент. — Вам следует привести себя в порядок и поужинать. Вечером у вас запланированная встреча, которую невозможно отменить.

— Я хочу, чтобы на эту встречу меня сопровождал агент Мано, — спокойно отразила я ее неприязнь. — Иначе randevu не состоится.

— Вы не в том положении, — показала мне в оскале фарфоровые коронки дама (второй критерий отбора — вставные зубы. У меня еще не было ни одной горничной со своими кусалками), — чтобы ставить условия.

— Это вы не в том положении, — поставила я ее в известность. — Я могу нагнуть вас в очень неудобную позу, если вы не доложите о моем условии вашему начальству. — И спокойно ушла в ванную.

— Мисс Доусон, — поскреблась она ко мне через семь минут. — Агент Мано был отстранен от службы и находится под следствием. Он обвиняется в пособничестве вашему побегу и ненадлежащем исполнении своих служебных обязанностей.

Это я и так знала.

— Значит, верните его назад! — приказала я ничтоже сумняшеся. — И быстро!

За дверью снова начались переговоры. Через восемь минут, когда я оттуда вышла, меня уже ожидали три взъерошенных начальника и один лысый, но самый важный.

— Мисс Доусон, — завел свою шарманку важный. — Вы ставите под сомнение мое распоряжение по поводу расследования деятельности агента Мано...

— Я ставлю под сомнение, — нагло перебила я его, — не только ваше распоряжение, но и обстоятельства, при которых вы получили вашу должность! — Прищурилась. — Или мне нужно вам напомнить о вашей...

— Нет! — сразу стал покладистым лысый, стремительно краснея и вытирая плешь большим клетчатым платком. — Я еще раз пересмотрю все обстоятельства дела и, возможно, приму другое решение!

— Вы уж постарайтесь, — оскалила я зубы. — И чтобы вам не было скучно совещаться... — Рассказала им о детях и музее. Подождала, когда они переварят, и добила: — Мистер Лестер, ваша внучка, кажется, собралась поступать в колледж?

— Д-да-а-а, — с запинкой подтвердил один из взъерошенных. — А что?

— Вам следует поменять ее выбор, — спокойно ответила я, изучая нервно дергавшегося мужчину. — Иначе она свяжется с поставщиком наркотиков и вместо колледжа окажется в лечебнице. — Я выдержала пару минут в томительной тишине и добавила: — И я не думаю, что хоронить единственную внучку в возрасте двадцати трех лет увлекательное занятие.

— С-с-спасибо, Джейн, — тихо сказал мистер Лестер. — Я учту ваш прогноз.

— Это в ваших интересах, — невозмутимо пожала я плечами, — и лучше учтите мое требование по поводу агента Мано. Иначе я могу ведь и не сказать вам о будущем... — Замолчала, оставив многозначительную паузу.

После моего заявления все четверо переглянулись и умелись на новое совещание. Я воспользовалась моментом и аккуратно уложила себе волосы феном. После этого оделась в легкое шелковое платье. Накрасилась с долей умеренности. Скромно поужинала кусочком сырного пирога с чаем и фруктовым салатом под пристальным присмотром горничной, сопровождавшей глазами каждый съеденный мной кусок. Мне принесли восемь видов сока, но я его даже не пригубила.

— Ваша просьба отклонена, — прискакал ко мне в номер один из безликих взъерошенных начальников, — как недопустимая!

— Это был приказ, — хладнокровно поведала я ему, отодвигая от себя сок. — И скажите своему начальству, что еще один раз они добавят мне в питье средство для подавления воли — и будут очень бледно выглядеть! Напоминаю вам вновь: я хочу, чтобы на встречу меня сопровождал агент Мано. И точка!

Начальник возмущенно хрюкнул и сбежал на доклад.

— Вы еще не поняли, что я говорю серьезно? — бросила я ему вдогонку. — Тогда сами разбирайтесь с хакером, который через три часа взломает охранную систему одного из крупнейших банков и сольет деньги вкладчиков в офшоры.

Но, как я и ожидала, положительное решение важного начальства было заблокировано еще более важным начальством, не терпевшим принуждения со стороны подчиненных. Единственное, на что они согласились, — это не привлекать Кэмерона к уголовной ответственности.

— Вам пора на встречу! — возникла рядом со мной седьмым кругом ада Данте горничная с безупречной репутацией, известной нанимателю, и маленькими грязными секретами, ведомыми исключительно мне.

— Ну если так, хорошо... — пошла я на выход в сопровождении других агентов и лысого начальника, державшегося от меня подальше. Правильно, а то я еще и не такое могу о нем озвучить. Могу ведь и что-то перепутать, будучи на нервах. И вот тогда будет взвод спецназа искать пятый угол в Бермудском треугольнике.

— Итак, — сообщила я всем в лимузине, поправляя на себе элегантное серебристо-голубое платье, — вы решили, что можете игнорировать мои требования. Это недопустимо, и вы сегодня в этом убедитесь! — И замолчала.

Конечно, никто не принял меня всерьез, списав все на женскую нелогичность. Я так и видела, как крутятся шестеренки в мозгу у начальства, перебирая все возможности моего саботажа. Они ошиблись. Как всегда.

Когда мы прибыли в назначенное место и над моей рукой склонился импозантный мужчина с финансовым блеском в глазах, я мило улыбнулась и промолчала.

Клиент вежливо сопровождал меня к креслу и задал первый интересующий его вопрос, за который он отвалил немалую сумму. Которая, кстати, не вся шла прямым образом в государственный бюджет. Можно сказать, совсем не вся... а если совсем уж точно — большей частью не туда...

Я улыбнулась, хлопнула ресницами и промолчала.

Клиент удивленно воззрился сначала на меня, потом на оцепеневшего начальника, следом на охрану и повторил свой вопрос.

Я улыбнулась, хлопнула ресницами, сложила руки в замок на коленях и опять промолчала.

Мужчина крякнул, наклонился ко мне и спросил:

— Вы хорошо себя чувствуете, мисс Доусон? Может, мне повторить свой вопрос?

Я улыбнулась, хлопнула ресницами, закинула ногу на ногу и промолчала.

— Вы можете мне хоть что-то объяснить? — вскочил с места клиент и потопал к начальнику. — За что я заплатил немислимую сумму? За ее молчание?

— Мы сейчас уладим этот вопрос, — съезжился начальник и бросил в мою сторону затравленный взгляд.

Я улыбнулась, хлопнула ресницами, подмигнула ему и промолчала.

— Разрешите мне поговорить с ней наедине пару минут, — сдался лысый, становясь подобострастным просителем. — И мы все уладим. Обещаю!

Как же! Уладит он.

— Только пару минут, — предупредил его злющий клиент и удалился в другой угол комнаты.

— Мисс Доусон, — наклонился ко мне начальник, — ваше поведение недопустимо! Вы нарушаете наши договоренности!

— Это вы нарушаете свои обязательства! — разомкнула я губы. — Когда мы заключали соглашение о сотрудничестве, мне было обещано выполнение всех моих просьб и требований. За последний год вы восемнадцать раз нарушили это соглашение. Но сейчас я не уступлю. Рядом со мной должен быть агент Мано.

— Это невозможно, — прошептал мне лысый. — Он отказался.

— Прекрасно! — встала я с кресла. — Отвезите меня к нему. Я сообщу адрес водителю.

— Но как же встреча? — опешил лысый. — Мы же...

— Господин Ругал, — обратилась я к грузному клиенту с бриллиантово-белой сединой на половину головы и жесткими глазами профессионального потрошителя чужих кошельков. — У вас есть два варианта: либо мы переносим нашу встречу на другое время, либо вам вернут вашу оплату. И еще... — постучала себя пальчиком по губам и продолжила фальшиво беззаботным тоном: — Совершенно бесплатно рекомендую — не влезайте в предложенную вам сделку. — Скосила глаза в его сторону. — Это не ваш сегмент рынка, и вас ждут большие финансовые, и не только, потери.

— Мы перенесем встречу, — мгновенно отреагировал авантажный мужчина, становясь окончательно похожим на хищника и протягивая руку к телефону. — В любое удобное для вас время.

— Замечательно, — кивнула я. — А теперь прошу меня извинить, но мне нужно уладить кое-какие дела незамедлительно. — И вышла из помещения.

— Вы понимаете, что сейчас поставили под удар свое руководство? — Клетчатый платок уже прописался на лысине моего самого мелкого шефа.

— Я понимаю, — мило улыбнулась я, — что сейчас поставила под удар покупку новой яхты и очередной взнос за миллионный особняк.

После чего лысый замолчал и спрятался за своим носовым платком, как военнопленный за белым флагом или гаремная наложница за чадрой.

В полном молчании мы подъехали к небольшому дому в зажиточном районе. Дом, отделанный на фасаде белым сайдингом и натуральным камнем, даже издали казался уютным и надежным. Покатая розово-серая крыша, стилизованная под черепицу, навевала воспоминания о старинных английских гравюрах восемнадцатого века. Многочисленные выдвижные решетчатые окна с черными ставнями вызывали восторг поклонников викторианского стиля, а добротная каменная кладка — чувство защищенности. Казалось, тут все делалось на века.

Вокруг дома росли аккуратно подстриженные кустарники и яркие цветы.

— Я пойду одна, — бросила я сопровождающим, выбираясь из машины.

— Это... — завел свою надоевшую шарманку начальник.

— Допустимо, — отбрила его я. — Если хоть кто-то последует за мной или нарушит мое уединение, я расторгну наше соглашение немедленно! Это понятно?

— Вполне, — пробурчал лысый, подавая своим подчиненным знак оставаться на месте.

Я твердым шагом подошла к двойной, красиво украшенной металлическими пластинами двери и позвонила.

Спустя несколько минут дверь щелкнула и открылась. На пороге возник агент Мано с влажными после душа волосами, в черной стретчевой футболке, босиком и в незастегнутых джинсах.

У меня началось неконтролируемое слюноотделение.

— Джейн? — уставился он на меня, как на инопланетянку. Провел рукой по лицу, растирая глаза, словно им не верил. — Почему?

— Что ты хочешь, чтобы вернуться? — напрямую спросила я, не желая терять время и играть в игры, в которые никогда не играла.

Он скривил уголок губ, посмотрел мне за плечо и отошел вглубь, впуская меня в дом.

— Я хочу... — Он был сдержанно-спокойным. Гордым. Слишком уверенным в себе. Мне стало как-то неуютно. Обычные телохранители такими не бывают.

Лишь только я вошла, Кэмерон запер замок, включая сигнализацию, чтобы в дом не прорвались настырные агенты, которые, несмотря ни на что, гнались за мной буквально по пятам. Прямо дышали в спину в буквальном смысле этого слова. Видимо, «одна» у них подразумевалось «одна плюс пять агентов для компании».

— Я хочу... — Сглотнул (я будто замороженная проследила за движением его адова яблока). — Получить то, что мне было обещано. — И подарил голодный напряженный взгляд, без слов говорящий: «Я тебя поймал!»

Я была к этому более чем готова. Кто еще кого ловил, вот вопрос. Подняв руки к шее, расстегнула молнию на спине, позволяя платью упасть на пол. Уверенно переступила через лужицу из голубого шелка, оставаясь в лифчике без бретелек и прозрачных трусиках.

— Джейн... — прошептал агент Мано. В его взгляде взрывом сверхновой вспыхнуло минутное восхищение. И пропало, исчезло, подавляемое железной волей. — Джейн...

Мы стояли в его прихожей, и между нами не было неловкости — только плохо

скрываемый накал чувств. Меня стало немножко колотить — не то от холода, не то от страха. А может, от дикого желания? Как классифицировать то, что не поддается классификации?

Он слитным движением небрежно сорвал с себя футболку, позволяя увидеть свой обнаженный торс и сравнивая взаимный счет. Я безмолвно застыла, изумленно рассматривая свой приз. Нет, я знала — точнее, подозревала в глубине души — что Кэмерон Мано красив. Только вот не могла предположить насколько.

Красив как бог! Как воплощение мечты, греза. Прекраснее, чем самый сладкий женский самообман.

Широкие плечи, стройная талия, узкие бедра, отличные от плеч минимум на четыре размера... Кэмерон мог бы продавать свое тело в любом журнале мод. Клянусь, на него бы вешались гроздьями женщины всех возрастов, он мог выйти в топ и стать высокооплачиваемой моделью.

Я взглянула ему в глаза и невольно покачала головой — нет, не стал бы... Это осознанное решение. Внутри Кэма несгибаемый железный стержень, этот мужчина не покупается и не продается. Что ж, с партнером мне повезло, и если он тогда согласился — то был не акт купли-продажи, а полностью осознанный выбор.

Пропорционально длинные, сухие накачанные ноги танцора или теннисиста... В мягком золотистом свете настенных бра и высоких зеркал его тело почти сияло.

Правильные черты лица, высокие скулы, крупный выразительный рот. Чисто мужской волевой подбородок...

Опустив руки, мужчина стоял, безмолвный, словно античная статуя, деликатно позволяя себя рассмотреть. Синеглазый брюнет не красовался, не принимал бодибилдерских поз, не напрягал мышцы. Не кокетничал по-мужски, изгибаясь в наиболее выигрышном ракурсе, — словом, вообще не играл. Просто стоял, глядя мне в глаза, словно спрашивал: «Это оно? Я того стою?»

Видимо, мой чисто женский восторг, немое восхищение я спрятать тоже не смогла, так что он получил ответ на незаданный вопрос: «Да-а-а-а!» — сопровождаемый моим участившимся дыханием и облизыванием враз пересохших губ. Уголки его рта приподнялись в несмелой улыбке. После чего Кэм начал действовать.

Он взвился черной пантерой, пружиной — вот он был там, и вот уже здесь, с жадными руками и голодным ртом. А во мне внезапно, вопреки логике и рассудку сработал инстинкт жертвы: выскользнуть, убежать, спрятаться, укрыться — и я рванула по лестнице на второй этаж, минуя заслон рук. Удирала так, что у меня подошвы задымились. Куда я мчалась сломя голову — даже не успела сообразить, но в итоге попала именно в то самое нужное место — в наглухо зашторенную спальню, на кровать.

Если бы не так хотелось плакать, стоило рассмеяться.

Поздравляю, Джейн! Ты нашла, что искала, — кровать! Широкую двуспальную кровать, сделанную как подарок молодоженам. Видимо, чем дальше ты от этого бежишь, тем быстрее прибегаешь. Как магнитом притягиваешься.

Отключившийся мозг толкнул меня на поиски экстренного пожарного выхода.

— Стой, безумная! — Кэмерон успел поймать меня за ногу, в то время как я высунулась из окна и всерьез рассматривала возможность спуститься вниз по отвесной стене. — Да что с тобой? Ты же сама пришла... Никто не заставлял? — В его голосе было столько обиды и недоумения, что я обмякла.

Куда бы я ни бежала, все равно прибегу к нему. Нет жизни и будущего без него. Все мои

внутренности просто вопили об этом, а разум, работающий как хорошо отлаженные сверхточные швейцарские часы, взывал к одиночеству и покою. Впервые с того момента, как я себя помню, тело и разум были в глобальном диссонансе. И мне это нравилось. Вносило нотку смятения в такое размеренное и расписанное заранее бесполое существование.

— Мисс Доусон, — заорали снизу, — у вас точно все в порядке? Нам прислать подкрепление?

— Не надо! — выглянула я из-за шторы. — Это я проверяю физическую подготовку агента Мано и систему безопасности его дома.

— И как? — спросил меня один из тусующихся внизу агентов.

— Вполне, — заверила я его, пока недовольный Кэмерон отодвигал меня от окна и задергивал шторы. — Сейчас стану изучать углубленно. — И попыталась выскользнуть из спальни.

— Куда! — схватил меня Кэм. — Куда ты снова наострилась?

— Куда хочу, туда иду, — обиженно огрызнулась я, пытаюсь стряхнуть с себя цепкие мужские руки. Попытка бесславно провалилась, руки Кэмерона Мано напоминали медвежий капкан.

— Значит, любишь побегать? — зарычал он, прищурившись. — Уверена, что хочешь именно этого?

— Не совсем, — смущенно призналась я, глядя на него из-под ресниц. — Можешь предложить что-то другое?

— Вполне, — приподнял краешек порочных губ Кэмерон, осторожно утягивая меня на постель. — От меня не убежишь, Джейн, — прошептал он мне на ухо, посылая дрожь по всему телу. — Я все равно буду тебя всегда ловить...

И я расслабилась.

Мы стояли на коленях на кровати, он удерживал меня напротив себя и очень странно смотрел. Никто и никогда так на меня не смотрел: лед и пламя в одном флаконе. Ненасытная жажда за каменной стеной воли. Он словно оставлял на моей коже жаркий след. Как будто клеймил меня взглядом. Обещал и доказывал право на владение.

Этот мужчина — знак вопроса, парадокс, непостижимая загадка бытия. Но самое страшное не это, меня испугало совсем другое: сейчас я не могла его просчитать. Это безумно привлекало, заводило почище любого афродизиака, настоящий адреналиновый кайф. Мне хотелось петь и плясать: не могу просчитать! Не могу! И не хочу...

Хочу хоть раз, прямо сейчас побыть просто женщиной. Нелогичной, испуганной, ожидающей и возбужденной. Хочу смотреть в его глаза и трепетать от счастья. Хочу чувствовать на себе его руки и млеть от сумасшедшей близости. Хочу быть с ним не потому, что я национальное достояние, женщина-суперкомпьютер, а потому что желанна. Просто хочу его.

Сейчас, в данный отрезок времени, не было здесь «объекта Ди» и агента Мано, были лишь мужчина и женщина, сплоченные единым желанием.

В какой-то момент я ощутила себя беззащитной жертвой, и мгновение спустя — обожаемой женщиной. Он поклонялся мне взглядом, ласкал не касаясь. Он возносил меня на вершины желаний, не трогая даже пальцем.

Я уже была готова склониться и молить о прикосновении, как...

— Ты сама пришла, — сказал Кэм, чуть нахмурившись. — Сама...

— Извини, я... — опустила голову, сгорая от стыда. — Я... возможно, девственница.

— Возможно? — удивленно поднял брови мужчина. Он стиснул пальцами свою переносицу и сощурился, пытаясь постичь логику моих действий, но у него не получалось. Потряс головой. — Как можно быть возможной девственницей? Ты либо она, либо нет.

— Я... — замялась в еще большем смущении. — Я не знаю. Не помню. У меня никого не было, а до этого... — еще ниже опустила голову, нервно комкая в руках тонкое узорчатое покрывало из шелка.

— То есть ты хочешь сказать... — В его глазах забрезжило понимание, густо замешенное на самоиронии. Он мотнул головой. — Не могу поверить! Я стал фигурантом служебного расследования из-за девственницы! — Горько рассмеялся: — Феерично!

— Нет уже никакого служебного расследования, — пробормотала я, начиная тихонько отодвигаться. — Я...

— Ты?!! — вернул он меня обратно. — Ты влезла ко мне под кожу. Я спать нормально не могу. Есть не могу. У меня уже скоро галлюцинации начнутся на почве сексуального неудовлетворения! И вот теперь ты здесь, в моей постели, и... «возможно, девственница»! Издеваешься?!! И что мне с тобой делать? — запустил он пятерню в свои густые волосы. — Меня же потом за тебя кастрируют.

— Они не узнают, — прошептала я, поднимая руку, чтобы коснуться его золотистой кожи, и тут же опуская, так и не осмелившись. — Никто не будет знать...

— Я буду, — посмотрел он на меня голодными глазами, заставляя мое сердце биться сильнее. — И прости, но я не смогу быть джентльменом и отпустить тебя. Только не тебя. — Он грустно улыбнулся. — Однажды я уже отпустил девушку и потерял. Теперь буду держать изо всех сил.

Мои зрачки расширились, и задрожали руки. Тело снова охватила жгучая потребность следовать могучему инстинкту.

Сильные смуглые пальцы сжали мое запястье, рывком притягивая меня к себе.

— Кэмерон, я...

— Тсс... — почти беззвучно произнес Мано.

Шкоднo сверкая синими до черноты глазами, он осторожно поднес узкую женскую кисть к своим губам и слегка прикусил подушечку моего безымянного пальца. Чуть-чуть. Очень нежно. Меня с головы до пят пробило током, а в его глазах вспыхнул темный огонь. Не в силах удержаться от соблазна, второй рукой я провела по его груди.

Его кожа была гладкой, будто шелк. Снаружи она казалась прохладной, но внутри Кэм был горячим, раскаленным как печка. Мой мужчина зашипел, словно от боли.

— Попался! — лукаво улыбнулась я ему в сумраке спальни, храбро отправляясь в заветное путешествие, неведомую страну познания чужого тела. Мои руки ласкали крепкие мышцы мужского пресса, напрягающегося у меня под пальцами. Коснулись позвоночника, пробежали по ребрам, достигая расстегнутой молнии джинсов...

И Кэм не выдержал. До этого обманчиво-спокойный, невозмутимо позволяющий мне изучать его, он глубоко вздохнул и потянулся ко мне всем телом, предлагая свою душу. Сейчас он был весь как на ладони. В синих бездонных глазах отражалось все, что он испытывал ко мне. И я задохнулась от такого накала. Потянулась в ответ, стараясь отдать если не столько же, то хотя бы все, на что способна.

Он уверенно наклонил мою голову и низко застонал, начиная целовать легко-легко, словно перышком касаясь губ.

— Хочу... — попыталась я высказать, но он не дал.

Моя голова закружилась, словно от бокала шампанского. Он пробовал меня, изучал и дарил самое незабываемое. А его слегка пробивающаяся щетина лишь усиливала это ощущение всепожирающего огня.

— Хочу, — подтвердил он, прерывая поцелуй и снова возвращаясь ко мне. Его губы легкими поцелуями наметили лоб, виски, веки, затем он спустился ниже и прошелся по горлу. — Ты даже не представляешь себе, Джейн, чего я от тебя хочу. Иначе бы ты бежала отсюда на другой край света.

— Только если на том краю будешь ты, — запрокинула я голову, подставляя ему шею.

Участившееся дыхание и жажда. Страшная, всепоглощающая жажда обладания друг другом.

Кэм осторожно, словно боясь напугать, запустил руки мне за спину.

— Какая ты красивая. — Он на секунду прикрыл глаза, как будто пытался запомнить представшую перед ним картину, а потом бережно меня уложил, отдернув край покрывала.

Как и куда девались мои трусики — не знаю. Просто раз, фьють! — один рывок, и их не стало. Прохладный воздух на контрасте охлаждал кожу. Я невольно заерзала, ожидая продолжения.

— Тебе понравится, — шепнул Кэм, легко прикусывая кожу предплечья. Он обращался со мной, как с хрупкой стеклянной вазой, опасаясь сделать больно, но ощущение было... волшебным.

От полноты чувств я вскрикнула, и укушенное место нежно зализал шершавый язык.

— Кэм, — всхлипнула я.

— Тсс, моя девочка, — склонился он надо мной. — Все будет, не торопись.

Опасное желание лишало разума.

А его волшебные пальцы не останавливались, и я начала заводиться.

— Не кричи так сладко, — простонал мне в шею Кэм, — или я не выдержу.

Но я не слышала его, не понимала его слов. Я горела, пылала от возбуждения, подаваясь ему навстречу. Все мои нервные синапсы были настроены на удовольствие, а оно все не приходило. Не приходило, черт возьми! Крики стали громче, в них появилась мучительная жажда.

Не останавливаясь, Кэм тихонько сказал мне на ухо:

— Первый раз будет больно, прости.

О чем он? Мне уже больно. Больно от неутоленного, сжигающего кипящей лавой желания.

— Примешь меня, Ди? — сквозь зубы проскрежетал мужчина, сдерживаясь из последних сил.

Он убрал руку, нависая надо мной, и остановился.

— Да что же ты делаешь? — вырвалось у меня, когда я ощутила, как стремительно ускользает удовольствие.

— Мне нужно позаботиться о тебе, — сжал челюсти Кэмерон, отстраняясь и запуская руку в прикроватную тумбочку. Он вытянул оттуда квадратик в фольге, быстро надорвал его зубами и начал раскатывать тонкий латекс.

— Не переживай, Джейн, — поймал мой испуганно-обескураженный взгляд мужчина. — Все будет замечательно.

Я позволила себе усомниться ровно до того момента, когда он снова начал меня целовать.

Я готова отказаться от многого, да практически от всего — огромного количества охраны и слуг, дорогой еды, дизайнерской одежды, роскошных номеров, невероятных способностей и власти серого кардинала. Все это я очень мало ценю, оно приносит только головную боль и ни капельки счастья. Но Кэм мой. От него я не готова отказаться.

Внутри осталось безумное желание получить обещанное — все равно как, любой ценой. Иначе повторения не будет.

— Джейн! — Кэм еще раз поцеловал меня. Его глаза смеялись. — Если бы ты узнала, как сильно я тебя хочу, ты бы скрылась в Антарктиде!

— Нет, — пробормотала я, тесно оплетая его руками и ногами. — Там прятаться будешь ты!

— Маленький воин, — ускорил темп мужчина. — Ты принадлежишь мне...

А вот это тот еще вопрос.

Да, поначалу было немного неприятно. Но... как же хорошо. Как же мне хорошо, хорошо именно с Кэмом. Думаю, он единственный, второго такого нет. Он — моя воплощенная сексуальная жажда, и я сегодня напьюсь допьяна. А ты, сердце, — тебя нет, молчи!

Кэмерон временами глухо стонал, по его вискам бежали дорожки пота... а меня не стало. Превратилась в пыль, исчезла, растворилась и совсем перестала себя осознавать.

Я кричала и стонала, срывая горло? — что вы, то была совсем не я! Это был мой рот. Это мои руки оставили на мужской спине кровавые борозды, совсем не я. Меня нет, я растворилась в удовольствии. Умерла.

Но быстро воскресла, когда меня отнесли в душ, затем снова уложили на кровать и принялись ласкать по новой. Я изумленно ахнула:

— Кэм!!! — и вскоре опять потеряла счет времени.

Но пришло утро. Яркое, солнечное утро, словно омытое росой, когда небо чистое-чистое, весело сияет солнце и поют птицы. Когда воздух чист и свеж, а прекрасное начало дня радует все живое небесной благодатью.

И пришло так быстро, что хотелось повернуть время вспять и начать все заново. Я знаю, что сейчас зазвонит телефон и моя короткая сказка закончится. Не будет больше нас. Будет «объект Ди» и агент Мано.

— Ди, — прижал меня к себе сильнее Кэм. — Я...

Дз-з-з-з! — заорала беспроводная трубка, лежащая на прикроватной тумбочке.

— Черт! — выругался Кэмерон, протягивая к ней руку. Я зажмурилась, испытывая незнакомое мне ранее чувство потери и опустошенности. — Я слушаю. Да. Понял. Выходим. — Положил телефон и посмотрел на меня. — Они требуют, чтобы я доставил тебя в отель.

— Хорошо, — спокойно произнесла я, садясь на кровати и натягивая на себя простыню. — Принеси мое платье снизу, пожалуйста.

— Ты... — Он посмотрел на меня с плохо скрытой душевной болью, прежде чем выйти из спальни. Моргнул, проводя рукой по лицу. — Ты снова стала чужой, принцесса.

— Я никогда не была твоей, — пробормотала я, на секунду прикрывая глаза и возвращаясь к привычной роли робота-всезнайки. — Но очень бы этого хотела.

И все вошло в привычный водоворот. Встречи, новые отели, агенты, одиночество и... пустота. Я отчаянно не понимала вселенского смысла своих Богом данных способностей. Зачем появилась на свет и для чего дышу. Для чего существую. Именно, существую. Потому что такое унылое, монотонное существование — это не жизнь.

Не однажды я ловила на себе пристальный взгляд Кэмерона, следовавшего за мной по пятам. Но он принял условия этой игры и не пытался со мной поговорить или выяснить отношения. Да и отношений, собственно, никаких не было.

Был лишь секс каждую ночь. Прекрасный, напроочь сносящий крышу секс. И ничего больше. По крайней мере, я в это старалась верить. Убеждала себя в это верить. Заставляла.

Все изменилось, когда мы с Кэмом увлеченно исследовали тела друг друга в одном из безликих гостиничных номеров, где меня преследовал едкий запах химчистки и горький — полыни.

— Мне хочется, чтобы это продолжалось вечно, — прошептал мне любовник, нежно проводя кончиками пальцев по моей спине. — Чтобы не было...

В мозгу зазвенел тревожный звоночек... Дурное предчувствие... Дыхание смерти...

Буквально за секунду до того, как распахнулась дверь нашего номера и началась беспорядочная стрельба, я успела спихнуть Кэмерона с кровати и упасть сама.

— Ах ты, бессердечная сука! — орал высоким голосом стрелявший, приближаясь к кровати, за которой мы прятались. — Ты за все ответишь! Я вышибу твои драгоценные мозги, и ты больше никому не сможешь навредить, дрянь!

— Ди, — начал запихивать меня под кровать Кэмерон, прикрывая своим телом, — просто не высывайся!

— Прекрати, — отпихивала я его. — Не нужно жертвовать своей жизнью ради меня...

— Заткнись, — огрызнулся Кэм, превращаясь в собранного защитника, хотя в обнаженном виде и не такого грозного. — Лезь куда я сказал...

Топот множества ног в коридоре...

— Опустите оружие, — крикнул один из агентов, — если хотите остаться в живых!

— Зачем мне жить? — истерично орал неудавшийся киллер. — Эта слишком умная сучка меня разорила!

— Ты его знаешь? — полюбопытствовал у меня Кэмерон, все так же закрывая собой, но уже, слава богу, прекратив трамбовать в очень узкое пространство между полом и мебелью.

— Понятия не имею, — пожала я плечами. — По голосу вроде бы незнаком. А вижу я исключительно тебя, потолок и пыль под кроватью.

И начала на скорую руку собирать информацию об этом типе, мысленно перелистывая тома досье и векторы событий.

Ага, понятно. Так, этот психопат — беспринципный мошенник, у него мать-инвалид, которую он обижает наедине, куча любовниц, но нет жены. Собирался провернуть аферу века, но благодаря мне и нескольким бизнесменам, которые обратились за советом, дельце сорвалось. Вот и вся история.

— Еще раз предлагаем бросить оружие, — напряженно сказал агент. — Иначе будем вынуждены стрелять на поражение!

— Мне и так остается только сдохнуть! — заорал в ответ мужчина. — Но прежде, чем я сдохну, я пристрелю эту бешеную суку! — И сделал рывок к кровати, за которой мы скрывались.

Два выстрела раздались одновременно. Один убил несчастного, второй ушел в стену чуть выше того места, где мы прятались.

Стук упавшего тела и топот множества ботинок.

— Ди, — стянул с постели простыни Кэм. Слава богу, одна из них валялась на кровати скомканной в сторону и не была залита чужой кровью, ею меня он и прикрыл, — тебе

сейчас, скорее всего, придется его опознавать. Выдержишь?

— Есть варианты? — изогнула я бровь. — Ты сможешь это сделать за меня?

— Мисс Доусон! — крикнул кто-то из агентов. — Агент Мано! Вы там как?

— Неплохо! — крикнула я в ответ. — Только моя голая задница примерзла к полу, а сверху на меня смотрит мертвец!

— Это ты меня так назвала? — изумленно открыл глаза Кэм.

— Это я его так назвала, — кивнула я на заливавшего мою временную постель кровью мужика, слегка нависающего над нами. — Но с этого ракурса я его точно не узнаю...

Еще бы! Я ж его вживую и не видела никогда! Но моим тюремщикам знать все наперед необязательно, пусть теперь побегают и поволнуются.

— Я хочу услышать, как он тут очутился! — ворвался к нам негодующий мистер Паррот. Ну еще бы, теперь можно и поорать, все самое страшное уже позади. — И каким образом пронес оружие?

С собой. Ты об этом не догадываешься, офисный удод? Мы вместе с Кэмом от злости закрипели зубами.

— Мы же никогда не проверяем клиентов на ношение оружия, — возразили ему. — И он был в листе встреч, который, кстати, вы подписали...

— Странно, — пробормотал раздосадованный начальник. Подставлять свой хвост под очередное служебное расследование ему не улыбалось. Шеф вскинул голову, принимая непривычно умный вид. — Быстро собрать все данные и представить мне. Будем разбираться!

И все закрутилось очень быстро.

Меня и Кэмерона подняли с пола, напоили горячим чаем (хотя то, что было в чашке у Кэма, чай напоминало только по цвету, а мне спиртное нахально зажали) и осторожно показали убитого (как будто он мой ближайший родственник и я его в любом виде, даже без половины головы, узнаю), после чего развели по новым спальням. В течение часа мы покинули отель и переехали в другой.

Нам с Кэмом так и не удалось ни поговорить, ни остаться наедине. Теперь под моей дверью всегда дежурили три агента — двое в коридоре и один в номере. Еще пытались заставить меня носить двадцать четыре часа в сутки бронежилет и каску. Я посоветовала в этом случае просто упрятать меня с охраной в бетонный бункер и выкинуть ключ наружу. После чего от меня отстали. Наверное, финансирования не хватило...

Я скучала и по этому случаю уничтожала горы фруктов и тонны мороженого. Я отчаянно тосковала по Кэму. По его задорной улыбке, ласковым рукам, сильному телу. Постоянно напоминала себе, что секс — это всего лишь секс, но мне все равно было тошно без Кэмерона, и мороженое тут не помогало.

И, помимо всего прочего, меня зудящим москитом, червем под кожей неотступно мучила тревога. Постоянно. Кусала, грызла, доставала, лишая бодрости и сна. Он мог погибнуть, и погибнуть из-за меня. Это было страшно.

Я не должна была помнить об этом, но все равно вспоминала. Я не должна была думать о Кэмероне, но думала. Я не должна была его желать, а все равно желала. Только в эти редкие моменты, оставаясь одна, я ощущала себя человеком, способным испытывать нормальные человеческие чувства.

— Вы меня слышите, мисс Доусон? — склонился ко мне поближе политик, довольно

известный. — Вы так внезапно побледнели... Вам плохо? Воды? — Он потянулся за хрустальным графином.

— Все хорошо, — чуть слышно прошептала я, еле ворочая распухшим в одночасье языком и напряженно выискивая взглядом Кэмерона, который стоял в сторонке и не отвечивал, как и положено грамотному телохранителю. Потому что я увидела и услышала... брызги крови, застывший взгляд любимых глаз и мой звериный вой... черный мешок на молнии... залп над могилой... обелиск...

Я увидела, куда приведет мой эгоизм и... Нет! Я не смогу с этим жить. Только не с этим!

Решение пришло мгновенно. Я должна его отпустить. Отпустить, чтобы не погубить. Чтобы эти синие глаза и дальше видели мир, в котором я, словно каторжница с тяжелой гирей на цепи, влачила свое жалкое существование. Пусть мы и расстанемся надолго. Очень надолго.

Я отчетливо и ясно видела его судьбу со мной и без меня. И осознанно выбирала одиночество. Потому что в любом случае я останусь без него. Одна. Но во втором случае он будет жить. А я буду жить, зная, что он есть на этом свете. Просто знать.

Пусть будут прокляты мои способности, потому что они оставляют меня без него! Пусть будут они благословенны, потому что дают ему возможность остаться в живых!

Но просто так я не могла его отпустить. Не могла — и все. Я эгоистично хотела испытать еще хоть один раз его поцелуй и тяжесть сильного мужского тела. Пусть кто может — кинет в меня камень, но я от этого не откажусь.

— Извините, — посмотрела я на политика, опуская веки и пряча свою боль. — Мне действительно нехорошо. Мы можем закончить нашу встречу? Или у вас еще остались незадаанные вопросы?

— Ну что вы, мисс Доусон, — проявил милосердие мужчина, в то время как Кэмерон еле сдерживался, чтобы не броситься ко мне.

Он всегда был очень чутким, угадывая мое малейшее душевное движение, даже слишком чутким. Я остановила Кэма еле заметным жестом. Все потом.

— ...Я не настолько зверь, чтобы удерживать очаровательную девушку в таком состоянии. — Мой собеседник помог мне подняться и добавил: — И не настолько беден, чтобы бояться потерять свои деньги. Уже того, что вы мне сказали, вполне достаточно...

Хороший человек, но не умеет задавать правильные вопросы. Ну что ж, своим ответом он сдвинул чашу весов и выиграл у судьбы несоизмеримо больше. А у меня, хвала Всевышнему, для него припасен туз в рукаве.

— Мистер Такоро, — посмотрела я на него в упор, медленно качая головой. — Именно потому, что вы действительно прекрасный и удивительный человек, я хочу сделать вам бескорыстный подарок. — Я наклонилась к его уху и произнесла тихонько: — Не ездите завтра никуда. И ваша жена не останется вдовой. — И позволила ему чинно проводить себя к выходу. — Ваш крепкий бизнес будет спокойно существовать и без вас, и его не сомнут никакие ураганы. Но будет ли так же счастлива без вас ваша семья?

— Спасибо, Джейн, — поцеловал он на прощанье мои пальцы, в темных глазах трепетал огонек теплого человеческого чувства. — Вы самая красивая девушка, которую я знаю. Но еще больше, чем ваша красота, ваше сердце. Спасибо, я никогда этого не забуду.

— Благодарю, — слабо улыбнулась я и развернулась в сторону выхода, следуя в сопровождении охраны. Как всегда, одна среди толпы. Без вины виноватая, без счастья несчастная, без... Просто без всего.

— Убил бы его, — прошептал еле слышно Кэмерон сзади, обдавая будоражающим запахом мускуса и любимого одеколona. От одних только нот цитруса и секвойи у меня подкосились ноги и тело слегка повело. Рефлекс, наверно. — За то, что доконал тебя своими вопросами. Ты еле на ногах держишься.

Я промолчала. Что я могла ему сказать — правду?

Меня привезли в отель, показали докторам, которые вынесли вердикт «переутомление» и постановили: «отдых и положительные эмоции». Слепая медицинская авторитарность окончательно взбесила, этак и я могу раздавать кому попало диагнозы, мало того — спорим! — мой диагноз, в отличие от их, будет на сто процентов верным.

И вот я осталась почти одна и была полностью готова испытать положительные, в прямом смысле этого слова, эмоции. Я хотела, чтобы меня уложили в постель знакомые сильные руки. Очень хотела.

Для исполнения этого плана я зашла в соседнюю комнату охраны, предварительно отправив свою надсмотрщицу на поиски мороженого, сделанного из персиков, собранных в феврале этого года во Флориде, с четким указанием без оного не возвращаться. Думаю, если она вернется с искомым, то я узнаю о себе много нового в некоторых областях науки зоологии, а также заодно генетики.

— Агент Мано, — сделала я непроницаемое лицо, — мне срочно нужна ваша помощь. Следуйте за мной!

Трое мужчин в комнате синхронно повернули головы к замершему от неожиданности Кэму и ухмыльнулись. Эти сплетники! Всегда все знают наперед. С этим мужским всезнайством порой невозможно бороться! Ох, если бы они знали, как далеки от правды их догадки...

— Еще одна усмешка, — со взглядом анаконды пообещала им я, — и у меня будет повод отправить вас искать на Аляске крокодилов! И я гарантирую, — нажала я голосом и прищурилась, — вы их там найдете!

После чего все замерли калифорнийскими тушканчиками и притворились египетскими мумиями.

— Долго мне еще ждать? — уставилась я на Кэмерона.

— Извините, — пробормотал тот, устремляясь к двери. — Мне казалось...

— Зря! — заверила я, одной рукой утаскивая его в номер за отвороты пиджака, а другой развязывая галстук. — Ты только теряешь время, которого у нас нет!

— Джейн... — помогал он мне раздеваться.

— Молчи, — шепнула я ему в губы, сгорая от нетерпения, оно прямо выжигало все внутри, окрашивая окружающее алым. Мне внезапно стало мало Кэмерона, так мало! Хочу его на целую вечность! — Потом поговорим.

— Принцесса, ты ошеломительно пахнешь, — говорил он мне, прижавшись носом к чувствительному местечку за ухом. — Ты пахнешь, как Рождество... — Потерся носом о шейный изгиб. — Как распутившийся свежий бутон, словно раннее утро возле моря. Как легкий бриз.

— Скорее, как ураган, — хихикнула я, опираясь на Кэма спиной, пока его жадные руки ласкали перед зеркалом грудь. — Смерч. Торнадо.

— Закрути меня, — предложил он, начиная рассчитанное наступление.

Я прикусила губу, сопротивляясь рвущемуся наружу стону. Кэмерон усилил нажим и прихватил зубами мочку уха. Желание застонать стало непреодолимым.

Темп плавных движений постепенно ускорился, движения стали более резкими.

Глаза молодого красивого итальянца закрылись, над губой появилась испарина, голова откинулась назад. У меня внутри все задрожало, от возбуждения стали подгибаться колени.

— Я весь твой, — прохрипел Мано. Вздернул меня, удерживая под грудь и заставляя держаться более горизонтально. Шепнул в порозовевшее ушко: — Бери и владей.

— Кэ-э-эм. — Я пошевелила головой, проводя волосами по его лицу. Взглянула с укоризной: времени и так ничтожно мало, а кому-то вздумалось поиграться!

— Не дразни меня, Кэм...

Агент Мано не внял мольбе. Брал, гад, меня измором за недостаточное в последнее время внимание.

Он потребовал:

— Скажи, что ты меня хочешь, принцесса.

— Скажу, — согласилась я. — Повернула к нему голову и произнесла с томной поволокой в глазах: — Ты меня хочешь...

Из чьей-то груди раздался грозный звериный рык. Я хихикнула.

— Это само собой, — не стал зря спорить мой любовник. Боднул. — Вот так... — Поинтересовался с ехидцей в голосе: — Тебе нравится? — И убрал то, на что я претендовала.

Я пожаловалась со смехом и слезами:

— Агент Мано, не будь сволочью. Не отодвигайся! Кэ-э-э-эм... — Жалобный стон перешел в иступленный мяв восторга, когда мой мужчина мгновенно разодрал алюминиевый квадрат, используя по назначению. Черт его побери, настоящий фокусник, словно для цирка тренировался!

— Ой! — Пока я пялилась в зеркало, застигнутая врасплох, Кэм начал завоевание.

— Хочу, чтобы ты стонала подо мной, надо мной, рядом со мной!

Моя улыбка погасла и стала невеселой:

— Скажи еще «всегда!» Вечно!

— И скажу, — непокорно взмахнул Мано головой.

Я вздохнула. Дикое, рвущее нутро желание стало постепенно исчезать. Потихоньку навалилась тоска.

— Не бывает ничего вечного, Кэм. И «всегда» тоже не бывает. Все, что нам дано, — это словно крылья бабочки... Пока порхает — все хорошо, завтра крылья осыпались — и ничего нет.

Он развернул меня лицом к себе, внимательно всматриваясь в глаза.

— С ума сошла! Ты завтра умирать собралась?

— Нет!

— Тогда о чем разговор? Бери от жизни все! — И сразу предусмотрительно добавил: — Но только со мной. — Шутливо подмигнул. — Я совсем безвредный и неопасный, мне можно.

Мой «неопасный и безвредный» за пару часов заездил меня вконец, до полной потери сил.

Поддерживая за талию, Кэм уложил меня боком на диван и, уютно расположившись лицом к спине, притянул меня к себе. Надежный, как скала, молчаливый Кэм. Теплый, красивый... чужой. Единственный человек, которого я хочу до потемнения в глазах... И единственный, которого не могу получить...

Он заставил меня кричать от удовольствия так громко, что, наверное, в соседних номерах вызывали службу или полицию. А вот о собственном решил забыть.

Ненавижу свою слабость, эту резь в груди от мучительно пробуждающихся эмоций. Совсем недавно я не знала мужчин, все было более-менее хорошо. Я жила себе, как у Христа за пазухой, как ноутбук на двух ногах, словно компьютер с видеокамерой, совмещенный модемом с Вышним. Так какого черта я решила все это изменить? Неужели теперь мне легче или лучше? Когда я каждую минуту думаю — как он, где он, что с ним... каждое мгновение мечтаю быть с ним. Это безумие, наваждение, черное колдовство.

— Джейн, ты сладкая, как мед... — Когда он успел слезть с кровати, начиная целовать меня со спины?

— Пчелка. — Я хохотнула, но мой смех сразу перетек в низкий стон, потому что этот сукин сын прошелся пальцами вдоль чувствительного места у поясницы, и мое тело пронизал ток. И уже через мгновение я вскрикивала от переживаемого сильнейшего наслаждения. Вскоре мое тело завибрировало от чисто кошачьего басовитого мурлыканья, которое звучало в его груди.

После короткой прелюдии я лежу на животе, он опять во мне. Сильные руки обхватили мою талию, стискивая ее при каждом толчке. Грубом, сильном, желанном... Технически я — позавчерашняя девственница, так отчего же мне все время мало секса?

— Принцесса, ты нечто. Малышка, ты наркотик! — От его бархатистого голоса я таю, как сливочное мороженое.

Когда вижу его, мои аналитические способности и все связи с Господом Богом, весь этот пар мощных энергетических турбин превращается в бесполезный свисток, в неутолимую жажду любви.

Кэмерон определенно решил сделать меня сексзависимой. Или я уже до него была такой? Пряный вкус его губ заставляет слабеть мои колени, звук голоса вводит в транс, лицо Кэмерона снится мне ночами — то ли это, чего я для себя хотела?

Время, украденное у работы, одарило нас смехом и радостью. Мы умотались до чертиков, даже многожильный Кэм. У нас даже в душ сгонять сил не оставалось, так и рухнули где стояли, сидели, лежали... одним словом, паслись.

Когда Кэм задремал, я не отрываясь смотрела на него, в безумии своем пытаюсь просчитать все варианты, найти хоть одну, самую малюсенькую щелочку, чтобы оставить нам малейшую возможность быть рядом. Чтобы хотя бы иногда видеть блеск его глаз, ощущать рядом крепкое плечо, слышать голос, от которого у меня по спине мурашки.

Но все тщетно! Кэмерона Мано как заколдовали.

Что бы я ни предпринимала, как ни пыталась перехитрить судьбу, итог был всегда один и тот же — его смерть. Иногда мгновенная, иногда мучительная, но неизменная.

— Кэм! — взмолилась я, лихорадочно рассматривая отдыхающего мужчину, неожиданно ставшего необходимым и близким. — Прости меня за то, что я сейчас сделаю! — И, собрав все свои силы, я отдала ему часть себя, делясь даром предвидения и предчувствия.

Конечно, мой ум уже подсчитал все вероятностные линии этого подарка. И я точно знала, что у Кэмерона никогда не будет моих способностей. Все, что ему угрожает в результате, — это повышенная интуиция и обостренное предчувствие беды. Немного. Но и эта сущая малость будет спасать его жизнь неоднократно.

— Ди? — проснулся он. — Принцесса? Что случилось, Ди? Почему мне так... — Его согнуло. — Плохо?..

— Сейчас пройдет, — пообещала я, испытывая внутри гулкую пустоту и беспросветное отчаяние. Жалко улыбнулась. — Скоро.

— Ди, — отдышался Кэмерон, протягивая ко мне руку. — Иди сюда. Нам следует поговорить... надо решить, как нам быть дальше...

Меня прожгло до самых пяток морозным холодом: вот! Уже начинается. Вот оно, наше начало конца.

— Нет никаких «нас», — выдавила я из себя, из последних сил борясь с отчаянием и желанием обнять его за шею, чтобы в поцелуе стать с ним единым целым. — Есть «объект Ди» и агент Мано.

— Ты действительно так думаешь? — сел на кровати мужчина, внимательно в меня вглядываясь, словно выискивая доказательства моих слов. Он не верил. Все еще не верил. — Что же тогда происходит между нами?

— Обычный секс, — ответила я, стараясь не опустить глаза и не испортить все окончательно. — Ничего особенного или неповторимого. У меня есть чисто физиологические потребности, и ты их вполне сносно удовлетворяешь.

— Значит, потребности... — скривился Кэм, потирая виски, будто у него начался мучительный приступ головной боли. — А что, если я тебя люблю?

— Ты любишь не меня, — незаметно сглотнула я, пытаюсь протолкнуть застрявший в горле ком.

Кэм внимательно слушал меня с каменным выражением лица и, кажется, перестал дышать.

Я фривольно взмахнула руками, обозначая похабный жест:

— Ты любишь себя во мне. Это разные вещи. Тебе нужно повзрослеть, Кэмерон.

Его щека задергалась.

— И сколько ты отводишь мне на взросление? — резко встал он с постели, начиная быстро одеваться. — Какой срок ты отмерила нам?

— Два года, — выдержала я его пристальный взгляд. — Если ты за это время меня не разлюбишь — то возвращайся, и мы поговорим.

— О-о-о! — скривился он, остановившись на пороге. Шевельнул плечом, будто стряхивая невидимую тяжесть. — Будь уверена, я вернусь. Будь уверена, Джейни! — аккуратно закрывая за собой дверь. Я успела услышать только: — И тогда нам не о чем будет разговаривать!

Для меня этот звук прозвучал как выстрел, пробивший насквозь сердце.

«Будь уверена, Джейни!» — отдавались у меня в мозгу его слова, произнесенные таким уязвленным тоном, что вызвали у меня всплеск воспоминаний...

Два года назад, Принстонский университет

— Будь уверена, Джейни! — толкнул меня локтем Кэм Маноло, в которого я была влюблена с первого курса. Мы часто встречались, несмотря на то, что он был старше меня и учился сейчас на пятом курсе. — Кто, как не ты, сможет выполнить эту курсовую!

— Но она для выпускников, — защищалась я, испытывая азарт и обоснованные опасения. — А я еще только на третьем.

— С твоими-то способностями, Ди... — широко улыбнулся Кэм, потягивая колу из соломинки. Даже в черной стретчевой футболке без рисунка и черных джинсах из супермаркета он был воплощенный грех и был сногшибателен. Один только вид сухих,

рельефных мускулов, гибкого, сильного мужского тела заставлял думать совсем не о науках. Дает же людям Бог чертову бездну обаяния! А мне вот, кроме мозгов, — ничего, иначе мы бы с Кэмероном где-нибудь за углом уже исступленно целовались, а не решали посторонние вопросы, связанные с его или моей учебой. — Ты сделаешь докторскую диссертацию и посчитаешь, что она для детского сада.

— Не преувеличивай, — расцвела я. — Конечно, у меня достаточно высокий уровень интеллекта, но не стоит забывать, что нельзя объять необъятное. А эта работа из области, которую я никогда углубленно не изучала.

— Какая тема? — подседа к нам моя сокурсница Майя, староста группы и по совместительству капитан группы поддержки сборной университета.

— Возможности человеческого мозга, — сообщила ей я, зная, что вгоню ее в уныние. Ее возможности еще только начали зарождаться, а способности развиваться.

— Ди, — кивнул Майе Кэм. — Ты слишком об этом волнуешься.

— Тебе хорошо говорить, — надулась я, отодвигая свою содовую. — Тебе учебу оплачивают родители. А я стипендиат. И совет Принстонского университета в любой момент может отобрать у меня...

— Свою учебу, — неожиданно вспыхнул Кэмерон, вскакивая со стула в ярости, — я оплачиваю сам! Из государственных займов на обучение! И, к твоему сведению, у меня тоже есть частичная стипендия, покрывающая обучение! Все, что за двадцать с лишним лет я получил сверх обычного от своего отца-военного, — бесчисленные закрытые интернаты и каждый день каникул, проведенный в детских военизированных лагерях^[1], где нас муштровали как будущих солдат и дрессировали, как обезьян! Свой интеллект я развивал сам. И прекрати мерить всех деньгами, Джейни! — Он выскочил из кафе.

— Ну надо же, — откинулась на спинку сиденья Майя. — Как наш красавчик не любит, когда его тыкают носом в денежки его отца.

— Зато ты любишь в них валяться, — парировала я, подцепляя ремешок поношенной сумки и выскакивая вслед за парнем. — Кэм, подожди меня! Ну подожди, пожалуйста!

Наше время

Я съезжилась на кровати, старательно пытаюсь выудить из памяти еще хоть что-то о своей прошлой жизни. Как уже стало понятно, мы были знакомы с Кэмероном раньше. Только тогда он носил полную фамилию. Ничего удивительного, что он предпочел ее сократить и не афишировать высокопоставленного отца, занимающего немалый пост в вооруженных силах в недалеком прошлом.

Но как мы встретились с Кэмом? Какие между нами были отношения? Кто мои родители и где они? Великое множество вопросов и молчащая в ответ память, настырно подсовывающая биржевые сводки. И почему я сейчас выгляжу несколько иначе? Более пепельный цвет волос. Слегка изменившаяся структура лица. И цвет глаз стал поярче, что ли...

— Мисс Доусон, — ворвалась ко мне горничная. — У вас... — Затормозила около кровати. Обеспокоенно спросила: — Мисс, вам плохо? Мисс?.. У вас кровь идет носом, вся наволочка испачкана! Вызвать бригаду парамедиков? Вы выглядите нездоровой.

— Мне хорошо, — с трудом разомкнула я губы, корчась от внутренней боли. Утерла предложенной бумажной салфеткой кровавую юшку и отвернулась. — Сообщите руководству, что мне нужно срочно с ними переговорить!

Месяц спустя

— Мисс Доусон, — постучал по столу карандашом один из беседующих со мной переговорщиков. — Если я вас правильно понял, то вы утверждаете, что лишились части вашего дара прогнозирования и не можете больше ставить нас в известность о катастрофах или покушениях.

— Вы меня неправильно поняли, мистер Рассел, — ответила я, выпрямляя спину. — Я сказала, что больше не буду об этом извещать вас. Поскольку в последний раз, когда я сообщила о предстоящем покушении на... ну, вы помните как зовут эту важную персону, ваша команда спасла одного человека и... тогда же она уничтожила школьный автобус, полный подростков.

— Это была нелепая случайность! — встрял второй переговорщик, нервно перебирая бумаги. — Никто не ожидал, что шофер автобуса свернет с привычного маршрута...

— Я ожидала! — отрезала я, наклоняясь к нему. — Я!!! Вам было заранее сказано об этом. На трассе велись дорожные работы, и водитель обязан был выбрать именно тот путь! Но вы решили, что вы умнее, чем я, и лучше знаете обстановку. Вот и умничайте теперь в одиночестве.

— Мисс Доусон, — влез третий, до того сладко улыбающийся мне мужчина, — не преувеличивайте, это всего лишь единичный случай...

— Замолчите! — тонким срывающимся голосом оборвала его я. Выпрямилась, оскорбленная и гневная, и отчеканила: — Дело даже не в том, что за эти месяцы я перегорела и почти утратила возможность анализировать и просчитывать! Насчет неоправданных потерь вы можете заливать кому угодно, только не мне! За четырнадцать месяцев нашего сотрудничества вы, ловко и умело прикрываясь высшими интересами, умудрились угробить сто восемьдесят пять человек. Хотя в моих прогнозах и рекомендациях было четко сказано, *как* этого избежать и свести количество погибших в спецоперациях к минимуму. Если бы следовали моим предписаниям, то потери на сегодняшний момент составляли бы четыре человека. Четыре, — потрясла я у них перед носом четыремя пальцами, — а не сто восемьдесят пять. Чувствуете разницу?

— И все же, — поспешил уйти от неприятного разговора мистер Рассел, — это непатриотично с вашей стороны...

— Давайте не будем, — мстительно зыркнула я на него, — говорить о патриотизме. Это звучит лживо, особенно из ваших уст. — Лениво подчеркнула: — То, что вы сорвались с крючка расследования внутренних служб, еще не значит, что вы не виноваты!

— Меня по всем предъявленным эпизодам полностью оправдали, — быстро сообщил мужчина то бледнея, то краснея.

— Это только потому, что я не сочла нужным вмешаться, — спокойно парировала я, вставая и направляясь на выход. Со зловещим смешком горбатой темной колдуньи: — Но могу и передумать.

Тройка высокопоставленных службистов тревожно переглянулась. Господин Рассел схватился за сердце. Два остальных моих бывших начальника вообще не знали, за что хвататься. Сердце у них не было от рождения, а совесть — понятие эфемерное.

Я с чувством громадного морального удовлетворения помахала уважаемому обществу ручкой:

— Итак, джентльмены, с этого дня ярываю контракт с вашим ведомством и

оставляю за собой право делать с собой все, что считаю нужным. Угрожать и задерживать не советую. Вы знаете, кто я, и знаете также то, *какими* методами я могу таким угрозам противостоять.

Все присутствующие вздрогнули. О да! Они знали, прекрасно представляли мои возможности! Но есть одно но! — эти люди знают, но не верят, что я решусь открыто себя защищать. Они больше года наблюдали возле себя временами стервозное, но все еще тепличное растение. Уверены, что сумеют меня убрать быстро и по-тихому, очень уж соблазнительно прихватить все заработанные «объектом Ди» засекреченные суммы с десятую и одиннадцатую нулями и сделать вид — их никогда не было.

Оставшуюся от меня информацию тоже можно было бы долго и задорого продавать. Остается перебросить с одного счета на Каймановых островах на десяток других — вот и все. Данные подтереть и зашифровать.

Хм, святая наивность. Через полчаса комнатная собачка-шпиц неудачно попадет под ноги жене президента, та упадет, и у первой леди внезапно начнется мигрень. Мучимый бессонницей, господин президент в отсутствие жены проявит повышенную бдительность и вызовет к себе кое-кого в погонах на доклад с отчетом для сенатской комиссии. Этот кое-кто с бодуна будет бляеть и мычать, отчего недовольный босс затребует другого докладчика. Вызванный ночью, срочно, тот попадет в автомобильную аварию — ничего смертельного! — но с переломами рук и челюсти люди не пишут и не говорят. Президент, имеющий претензии к качеству работы военного ведомства, даст указание сделать доклад по заданной тематике некоему адмиралу.

После того как я вчера умело поломала кофейный автомат на этаже, один заслуженный адмирал поскользнется на пролитом кофе и сломает ногу, а человек, которого поставят его временным заместителем, поведет себя настолько непрофессионально и топорно, сцепившись со спецслужбами, что на волне разгорающегося конфликта под повторное расследование угодит не только Рассел, но и весь его отдел. И два соседних в придачу.

Я точно знаю: проверяющим будет чем себя занять! Коррупционные скандалы, физическое устранение неугодных, нецелевые траты казенных средств, кое-что другое... список длиной в милю. Несколько миль.

Вследствие этой цепочки событий те, кто мог бы реально угрожать моей жизни, спокойствию и здоровью, еще лет пять будут заняты абсолютно другими делами, а кое-кто даже за решеткой, в чем я им помогу всеми силами, потому как мне совершенно не хочется погибать. И в течение ближайших лет произойдут новые события на политической арене, которые окончательно снимут пристальное внимание спецслужб к моей персоне.

Но сейчас этим троим неоткуда и незачем все это знать.

— Если вам понадобится моя консультация, — скучным голосом продолжила я монолог, — у вас будет приоритет перед частными лицами. Также обязуюсь уведомлять правительство о всех грядущих катастрофах, если мне станет о них известно. — Пожала плечами. — Остальное расхлебывайте сами...

И меня согнуло в дугу. Тряхнуло так, что стукнули зубы.

Во рту пересохло, голова будто свинцом налилась, ноги стали медленно подгибаться. Сквозь кровавый липкий туман перед глазами появился образ дерущегося с тремя солдатами Кэмерона. Он пригнулся в боевой стойке и сплевывал кровь из разбитой губы, подавая ладонью сигнал к продолжению мордобоя, который я бы назвала избиением младенцев. Боевое крещение в учебном лагере. Кэм решил уравновесить ад в душе адом снаружи.

Именно там он пытался меня забыть.

Я глубоко втянула в себя воздух, готовясь к нападению. И оно произошло...

А дальше многочисленные удары и боль-боль-боль... Сплошная боль.

Пятью годами раньше

— Джейни! — рявкнула Марисса, помахивая у меня перед носом ладошкой. — Долго ты еще будешь стоять истуканом и глазеть на этого красавчика?

— А?.. — отвлеклась я от лицезрения высокого черноволосого парня, окруженного стайкой девушек. — Ты что-то хотела?

— Я хотела, — окончательно разозлилась моя соседка по комнате и подруга, — чтобы ты взяла свою тощую задницу и потащила ее на занятия в ускоренном темпе! Пока нам не влетело за опоздание!

— Правда, он красивый? — негромко заметила я, возвращаясь к разглядыванию поразившего меня объекта.

— Лучше бы он был умный! — сердито заметила подруга, волоча меня за собой на буксире. — Тот еще тип. Богатенький сынок, до нас с тобой ни за что не снизойдет — слишком надменный и гордый.

— Это что тут у нас за цыпленок? — перегородили нам дорогу несколько высоких накачанных парней. — Почему такие цыпочки ходят по территории без охраны?

— Отвали! — нагло заявила Марисса, сдувая с лица каштановую прядь. — Мы опаздываем!

— Так опоздаете еще больше, — загоготал самый высокий, хватая меня за руку. Он грубо прижал меня к себе, начиная тискать за грудь поверх футболки с университетской эмблемой. — Зато получите незабываемое удовольствие.

Марисса растерянно застыла, не зная, как реагировать, пока я пыталась выкрутиться из лапающих меня рук. И, что поразительно, на нас многие оборачивались, но никто из ребят не спешил вмешиваться.

— Отойди от них, Кент! — раздался властный голос, и к нам приблизился красавчик, обративший на себя мое внимание. За ним все так же следовала по пятам стайка весело стрекочущих девушек-фанаток. — Видишь, дамы тебя не хотят!

— А ты все так же стараешься заграбастать все лакомые кусочки, Кэмерон! — беззлобно огрызнулся здоровяк, не выпуская меня. — Посмотри, девушка совсем не против такого обращения. Главное, быть решительным!

— Девушка против! — рявкнула я, окончательно разозлившись, и изо всех сил стукнула нахала по голени.

— И эта девушка тоже против! — отмерла Марисса, опустив на коротко стриженную голову нахального приставалы свою сумку с учебниками.

— Ах вы, сучки безмозглые! — взвыл согнувшийся Кент, отпихивая меня и потирая поочередно то ногу, то затылок. — Ну, вам теперь не жить здесь!

— Осторожней, Кент, — холодно сказал Кэмерон, галантно удерживая меня от падения. Искривил красиво очерченный рот: — Не стоит давать обещаний, которые ты не сможешь выполнить.

— Мы еще встретимся, — непонятно кому пригрозил здоровяк, удаляясь. Он похромал в сторону кампуса в сопровождении своей притихшей компании. — Я это так не оставлю.

Наш спаситель с приподнятой бровью насмешливо наблюдал его тактический отход.

Судя по бесстрашному поведению, дрался молодой итальянец, невзирая на богатых родителей, довольно часто — в доказательство этому факту костяшки на его руках были деформированы, как у боксера, и кожа на них рассажена.

— Привет! — белозубо улыбнулся Кэмерон, внимательно меня разглядывая. — Я — Кэм.

— Джейни Дайамонд, — еле выдохнула я, неприлично таращась на ошеломляюще красивого парня. — Можно просто Джи...

Он засмеялся:

— Принцесса, я буду звать тебя Ди, как принцессу Диану. Ди-Ди.

Наши дни

Я вышла из штаб-квартиры, свободная от обязательств, как ветер, и с таким же ветром в кармане. Все, что мне выдали за пятнадцать месяцев службы, — это документы, пятьсот долларов и кучу заверений в уважении и признании заслуг. На фоне заработанных миллионов и сэкономленных миллиардов ничтожно мало, но с учетом моей сохраненной жизни — в самый раз.

— М-да, — скривила я уголок рта, рассматривая желтый пакет в своих руках. — Немногого же я добилась для себя лично. — Пожевала нижнюю губу. — Зато, наверное, меня должна поддерживать гордость за все те прогнозы, которыми я помогла чего-то добиться другим.

Я пожала плечами, плотнее закуталась в толстое пальто, предварительно запихнув конверт во внутренний карман и сунув руки под мышки, после чего решительно пошла в сторону метро. Не знаю, как кого, а меня точно ждал Нью-Йорк. Вернее, один человек, который еще об этом даже не догадывался, но я к нему двигалась так же неумолимо, как Кларк Кент к работе журналиста и должности Супермена.

И мы встретимся гораздо раньше, чем я до того планировала. Пути Господни неисповедимы.

Я стояла в поезде метро, который вез меня на вокзал, и улыбалась. Улыбалась потому, что была свободна, и рядом не было никаких зомби-агентов в черных костюмах с коротко постриженными или прилизанными волосами. Вокруг меня толпились обычные люди в разноцветных шмотках. С разным выговором, с разными выражениями лиц, приветливые и не очень. У всех у них были свои проблемы — мелкие и крупные. Но все эти люди решали их сами, кто лучше, кто хуже, не прибегая к услугам гадалок, провидиц или вундеркиндов. Они просто жили обычной человеческой жизнью... Как я им завидую!

— Мисс, вы выходите? — покосился на меня высокий афроамериканец в громадном сине-красно-зеленом вязаном берете, из-под которого вываливались неопрятные дреды. — С вами все в порядке, мисс?

— Со мной все в порядке, — кивнула я, подарив ему яркую улыбку. — Теперь со мной все точно будет в порядке!

— Да хранит вас Бог, маленькая мисс, — сверкнул белоснежными зубами случайный попутчик и вышел из поезда, смешавшись с толпой.

— И вас, Джон. И вас... — пожелала я в ответ.

Вскоре была моя остановка. Я купила себе билет на междугородний автобус, хот-дог и бутылку минеральной воды. И сейчас стояла и крутила во все стороны головой, жуя и впитывая в себя новые впечатления и эмоции.

Поездка прошла спокойно. Всю дорогу я не отлипала от окна, пока одышливая женщина рядом безудержно строчила бесконечные эсэмэски детям, мужу, подругам, коллегам и всем, чьи номера были забиты у нее в телефоне.

Когда я прибыла в город Большого Яблока, наступило раннее туманное утро...

Я пошла по серым улицам, кишачим хмурыми, спешащими на работу людьми. Бродила по Трафальгар-сквер, обходя лужи и лавируя среди пешеходов, глазела на витрины. Впитывала дух этого вечно юного города, улыбалась, мечтала, размышляла... Все шло, как и должно было. Осталось лишь добраться до нужного места.

Ровно в полдень я входила в один из баров на окраине, где начинали разливать в раннее время и всегда находился тот, кому срочно нужно утопить себя в алкоголе из-за чего-то, что кажется нерешаемым. Втянула ноздрями запах шоколада и свежесмолотого кофе.

Как все же ошибаются люди... Одна встреча, одно случайно брошенное слово, вовремя протянутая рука помощи — и все можно изменить. Все. Неизменна лишь смерть. Это конечный рубеж, через который мы проходим в последней надежде обрести гармонию и покой. Но кто знает, находим ли мы его там?

Внутри модерново оформленного бара на высоком стуле, сверкающем хромированными деталями, сидел изрядно набравшийся здоровяк в помятом пиджаке и сдвинутом набок галстуке и крутил в ладонях стакан, наполовину полный золотистой жидкости.

Шатен с карими глазами и со слегка неправильными чертами лица. Телосложение потомственного крестьянина, строителя или грузчика — мощное, слегка коренастое. Дорогой костюм. В больших натруженных руках стандартный рифленый стакан выглядел игрушечным. На лице мужчины застыло мрачное выражение.

— Вот ты-то мне и нужен, — пробормотала я, направляясь к нему. Присела рядом на такой же стул и приветливо кивнула насупленному бармену, протиравшему бокалы и с раздражением поглядывающему на столь ранних посетителей.

— Чашку черного кофе, пожалуйста, вместе с вашим фирменным кексом, — сделала я свой заказ. И повернулась к мужчине: — Привет!

Он что-то неразборчиво буркнул, не отрываясь от своего занятия. Наверное, это очень увлекательно — искать ответы на свои вопросы в стакане с дешевым виски. Вот только бесперспективно.

— Хороший сегодня день, правда? — еще раз попробовала я привлечь его внимание. Кивнула бармену, поставившему передо мной чашку дрянного кофе с выпечкой. — Спасибо, — потягивая ему купюру. Дождалась сдачи и снова предприняла попытку общения, жуя пересохший кекс с черникой и изюмом (все-таки я не на шутку со всей этой беготней проголодалась): — День, говорю, сегодня хороший.

Долгая-долгая пауза. Наконец я дождалась ответа.

— Серьезно? — фыркнул мужчина, обращая на меня налитые кровью глаза и потирая заросший черной щетиной подбородок. С ошалелым видом пьяница взглянул на улицу, где зарядил нудный морозящий дождик, и перевел недоумевающий взгляд на меня.

— Абсолютно, — заверила я его, размешивая сахар в отвратном кофе, который не собиралась пить в целях самосохранения.

— Вы оптимистка? — скривился мужчина, снова утыкаясь в стакан. — Одна из тех, кто свято верит в лечебные свойства грязи, когда вас обливает проезжающая мимо машина? — Он бил меня наотмашь язвительными словами, грубостью, обидой в надежде вызвать смущение и отступить. Будь я обычной малознакомой собеседницей, так бы и случилось.

Но со мной этот номер не пройдет! Я точно не такая трепетная экзальтированная леди. Мне приходилось видеть и слышать вещи намного хуже, когда со снисходительной улыбкой одним росчерком пера элегантно убивали вагонами людей, прикрываясь мнимой государственной необходимостью. Вот это было страшно. А мой собеседник мысленно стоит на пороге жизни. Он всего лишь раненный в самое сердце, ожесточившийся и отчаявшийся человек, которому протягивают руку дружбы. Хороший человек. Пока — пока! — Он мне еще не верит и немного огрызается, но это поправимо и совсем не страшно.

— Я реалистка, которая верит, что нельзя пасовать перед временными трудностями, — улыбнулась я ему. — И кстати, меня зовут Джейн, если вам интересно. Можно просто Ди, только не Джи. Друзья зовут меня Ди-Ди, можете тоже так называть, если вам так больше нравится.

— Мне неинтересно, — с плохо скрываемой антипатией буркнул мужчина. — И я бы хотел остаться один. Вы мне мешаете, мисс Джейн.

— Мешаю вам готовиться к финальному прыжку с Бруклинского моста? — удивленно подняла я брови. Предположила: — Задержка в пять или десять минут — это для вас действительно так важно перед тем, как вы купите себе билет в один конец? Я ничего не упустила?

Он покосился на меня со злостью и начал, пошатываясь, подниматься со стула, чтобы перейти в другое место, избавившись от моей чересчур навязчивой компании.

— Важнее, чем остаться в живых? — не отставала я, зная, что мне обязательно нужно до него достучаться. Сейчас же! Или... — Важнее, чем исправить ситуацию и снова подняться на верх пищевой пирамиды?

— Да что вы знаете обо мне, маленькая надоеда! — плюхнулся на стул мужчина, взирая на меня с жгучей ненавистью. Можно подумать, в его бедах я одна кругом виновата. — Что вы знаете о моей жизни? О том, как в одночасье потерять все?!!

— Что вы подразумеваете под таким емким «все»? — склонила я голову набок, внимательно разглядывая собеседника.

— Все — значит, все! — отрезал он, махом выпивая свой стакан. Крикнул, надсаживая глотку: — Бартендер, повторить!

— Сначала рассчитайтесь, — фыркнул недовольный бармен из другого угла, даже и не думая наливать. — За последнюю порцию вы уже платили мелочью, выворачивая свои пустые карманы. А ваши кредитки заблокированы, я проверял при вас.

— Черт! — ругнулся мужчина, начиная шарить в пиджаке. — А вы говорите, что не все потеряно. Все! — Он повернулся ко мне. — Только позавчера я был одним из успешных людей этого города... — Крепыш дернул шейю. — У меня было все, что нужно для счастья: любовь, деньги, бизнес... Купите мне выпить, леди?

— Кофе, минералки, воды? — предложила я на выбор.

— Виски! — рявкнул собеседник. — Иначе катитесь к черту!

— Пока что туда катитесь именно вы, — сообщила я ему прописную истину. Пожала плечами. — Не понимаю, почему такой целеустремленный человек впал в уныние от одной мелкой неудачи?

— Мелкой?! Одной?!! — выплюнул мужчина, дергая себя за галстук. — Да за последние двадцать четыре часа на меня свалилось столько! Мой бизнес почти умер без денег, которые украл мой партнер! И чтобы выплыть, мне срочно нужны средства! — Он запустил пятерню во взъерошенные волосы. — Которых просто нет! Я даже не могу продать свою квартиру,

потому что она уже заложена в банк моим любовником, который еще и был моим партнером в бизнесе к тому же!

— Это говорит о том, — с намеком пробормотала я, — что не надо совмещать приятное с полезным...

— Что? — отвлекся от своих переживаний мужчина.

— Ничего, — посмотрела я на него. Спокойно заметила: — Все вышеперечисленное — это еще не конец света.

— Да? — удивленно посмотрел он на меня. — У меня нет даже доллара, а подступают сроки выплаты зарплаты рабочим, расчеты с банком по займам, налоги и еще куча всего. Все мои строящиеся проекты будут заморожены... А меня не берут даже на смешные деньги в другие компании. — Он тяжело вздохнул. — Я сегодня от отчаяния был в паре компаний на интервью и услышал: «Простите, но вы нам не подходите», — хотя раньше все они лизали мне пятки в надежде получить хоть крохи с моего стола...

— И что вас больше возмущает? — спросила я его, проверяя свою интуицию. — Что все от вас отвернулись или что вас обобрали?

— Нет, — потер ладонями лицо мужчина. — Больше всего меня беспокоит то, что моя мечта построить комфортный высотный дом в пригороде для престарелых людей канула в Лету... Столько вложено сил, средств и надежд — и все зря... — Он махнул рукой. — Бегите от меня, маленькая Джейн, бегите от такого неудачника, как я.

— Пойдемте, Гарри, — поманила его я. — Пойдемте возвращать в нужное русло наши жизни.

— Откуда вам известно, как меня зовут? — остолбенел мужчина, запуская пятерню в свою всклокоченную прическу. Мое знание предмета его сразило, доказывая, что наша встреча не случайна.

— Поверьте мне, Гарри, — чуточку загадочно улыбнулась я. — Я знаю даже больше. — Заговорщицки подмигнула ему. — Я даже знаю, что у вас еще не отключили телефон!

— Если ты Люцифер в женском обличье, то душу продать могу, но не заинтересую женщин, а они меня... — нес пьяную околесицу несчастный банкрот и выглядел при этом беспомощно и жалко.

— В мужчину, весьма сожалею, превратиться не могу. Но вам это и не понадобится, поверьте, — заверила его я. Уселась, положив ногу на ногу и поднимая в приветствии чашку кофе, словно она была бокалом дорогого шампанского. Подмигнула. — Мистер Фуаррез, вам приходилось в своей жизни сталкиваться с консалтинговыми услугами?

Он сглотнул и резко поднялся.

— В-вы, черт возьми, М-мефистофель!

Широко улыбаясь, личная посланница не то Бога, не то Сатаны встала со своего стула и взяла Гарри за локоть, увлекая за собой. Промурлыкала:

— Я — ангел... — И мы отправились делать обеспеченное будущее.

Через три месяца

— Гарри, — укоризненно сказала я, сидя напротив смазливого персонажа в дизайнерском кожаном пиджаке, — пожалуйста, не будь таким грязным.

За каких-то жалких три месяца отчаявшийся грузный мужчина бросил пить, занялся собой и превратился в худощавого лощеного красавца. Жаль, что его красота не для женщин. Обидно. Хотя... я все-таки надеюсь, даже знаю точно, что через семь лет у моего друга

появятся дети и он будет очень счастлив в нормальном браке. А пока я могу простить ему некоторые девиации в поведении... в конце концов, все мы небезгрешны.

— Дорогая, — скорчил обиженную гримасу собеседник, — я сегодня уже три раза принимал душ. Так что ты точно не по адресу.

— Я имела в виду твои мысли, Грязный Гарри, — ухмыльнулась я, наслаждаясь беседой. — Прямо вижу, как в твоём маленьком подлом мозгу ворочаются шестеренки по поводу того, как бы меня с кем-нибудь познакомиться. Так вот, мон ами, я не приветствую твою роль сводника. Мы с тобой оба преследуем определенные цели, ради которых держимся вместе. Не более того.

— Фуй, как ты неромантична, — надулся Гарри Фуаррез, поднимая свой бокал с шампанским. — Могла бы не быть такой вульгарной.

— Зато я честная, — заверила его я, рассматривая клубнику. — Тебе нужно, чтобы тебя считали натуралом, а мне нужно, чтобы меня не домогались. И потому мы проводим кучу времени вместе. К тому же тебя развлекает вереница просителей у моих дверей. И ты обожаешь снимать телефонную трубку вместо моего секретаря со словами: «Местный сумасшедший дом. Вас записать на прием?»

— Должны же у меня быть хоть какие-то в жизни развлечения? — комично надул губы Гарри. — И ты забыла еще одну вещь. Мне просто нравится отдыхать с тобой от всех этих забот, связанных с бизнесом.

— Гарри, — не удержалась я от подколки, — ты не занимаешься бизнесом. Ты его продал за большие деньги, когда выплатил свои долги. И теперь ты занимаешься собой, мной и домом престарелых.

— Ты невыносима, — хихикнул мужчина.

— Жалко, что ты не встречался со мной в то время, когда я работала только на правительство, — утешила его я. — Вот тогда я была и невыносима, и невыкатываема... и все «не», которые только ты можешь себе представить своим крошечным умом.

— Зато у меня большое сердце, — фыркнул в ответ на подколку Гарри. — Сколько ты уже в свободном полете? Три месяца?

— Четыре, — рассеянно перебирала я красные сочные ягоды клубники, изредка бросая одну-две в рот. — Месяц я выдираю себя из системы. Второй месяц я вытирала твои сопли. Третий — мы решали твои проблемы и устанавливали статус-кво. И только последний месяц ты стал похож на нормального человека внешне... пока не пристаешь ко мне с дурацкими предложениями!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Военизированные детские лагеря — довольно распространенное явление в Америке. Ежегодно в них проводят каникулы сотни тысяч детей. — *Здесь и далее примеч. авторов.*